

Федеральное агентство научных организаций

Институт социологии
Российской академии наук

**Экспертное обсуждение
результатов исследования
«Институциональные проблемы
массовой политики:
методологические и
теоретические аспекты»**

Москва 2015

Аннотация

Публикация основана на стенограмме экспертного обсуждения, состоявшегося в Институте социологии РАН 4 марта 2015 г. В нем приняли участие специалисты ИС РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, Ивановского государственного университета, Московский университет имени В.Я. Кикотя МВД РФ, ИНИОН РАН, Фонда ИНДЕМ. Обсуждение было организовано и проведено Отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии ИС РАН в рамках планового исследовательского проекта ИС РАН «Институциональные проблемы массовой политики: методологические и теоретические аспекты». Некоторые выступления поступили в письменном виде после ознакомления участников со стенограммой.

Подготовка окончательной версии завершена 8 мая 2015 г.

Общая редакция текста С.В. Патрушева.

УЧАСТНИКИ:

Айвазова С.Г. (ИС РАН)

Акимкин Е.М. (ИС РАН)

Бараш Р.Э. (ИС РАН)

Баскакова Ю.М. (ИС РАН / ВЦИОМ)

Кертман Г.Л. (ИС РАН / ФОМ)

Кокарев К.П. (ИНИОН РАН / РАНХ и ГС)

Коргунюк Ю.Г. (Фонд ИНДЕМ)

Кучинов А.М. (МГУ им. М.В. Ломоносова)

Марченя П.П. (Московский университет имени В.Я. Кикотя МВД РФ)

Мирясова О.А. (ИС РАН)

Павлова Т.В. (ИС РАН)

Патрушев С.В. (ИС РАН / ВАВТ)

Патрушев С.

Рябова Т.Б. (Ивановский государственный университет)

Соловьев А.И. (МГУ им. М.В. Ломоносова)

Филиппова Л.Е. (ИС РАН)

Ширяева Д.Д. (ИС РАН)

Шишкина А.Р. (НИУ ВШЭ)

Содержание

Предмет обсуждения	4
Резюме.....	5
Типы массовой политики.....	7
Эмпауэрмент	12
Политическое участие, принятие решений, политическая коммуникации	14
Содержательная концептуализация или игра словами?.....	17
Гендерный аспект политической мобилизации	19
Общественность: между массой и элитой	22
Феномен Тахрира: новый формат протеста.....	32
Массовая политика, протест и оппозиция	40
Механизмы вовлечения в политику	46
Типы политического поведения и мобилизации.....	48
Еще раз о концепте «масса»	55
Институционализация Тахрира и Майдана	57
Вместо послесловия	63

Предмет обсуждения

С.В. Патрушев: Год назад мы провели круглый стол, посвященный изучению проблем массовой политики. Тогда мало кто понимал, что это такое, и вообще, о чем может идти речь. Для нас, участников проекта, тот круглый стол был очень полезен. За прошедший год нам удалось подготовить специальный номер журнала «Политическая наука» (2014, №4) под названием «Массовый фактор в современной политике», а также научный доклад «Институциональные проблемы массовой политики: теоретические и эмпирические аспекты», который направлен участникам нынешнего обсуждения (доклад размещен на сайте Института социологии РАН

http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doklad_Institut_problemy_massovoy_politiki_2014_final.pdf)

Нам надо дальше двигаться в рамках этого проекта, да и вообще этой проблематики, важной, как нам кажется. Поэтому мы пригласили участников первого обсуждения, а также авторов указанного выше номера журнала и других коллег, чтобы обсудить представленный доклад.

Мы предполагаем обсудить следующие вопросы:

1. Какие теоретические схемы, объяснительные модели места и роли массового фактора в политическом процессе Вы считаете наиболее актуальными и перспективными?
2. Применимы ли концепты «политика масс», «массовая политика» и «политика множества» в качестве инструмента анализа политического процесса в России и в мире?
3. Как и почему меняется роль массового фактора в политическом процессе?

Для данного обсуждения мы подготовили резюме доклада:

Институциональные проблемы массовой политики: теоретические и эмпирические аспекты. Научный доклад. Под редакцией С.В. Патрушева и Л.Е. Филипповой. По результатам разработки темы «Институциональный анализ политической трансформации России: методологические проблемы» Программы ФНИ государственных академий наук на 2014-2016 годы. Руководитель исследования — к.ист.н. С.В. Патрушев. Исполнители: д.полит.н. С.Г. Айвазова, к.полит.н. Ю.М. Баскакова, к.ист.н. Г.Л. Кертман, О.А. Мирясова, к.ист.н. Т.В. Павлова, к.полит.н. Л. Е. Филиппова. М., 2014.

Резюме

Почти полвека назад С. Роккан обосновал необходимость массового вовлечения в политику для конституирования политического поля и разворачивания политического процесса (современной политики) и как следствие для формирования национальных государств и политических систем. Теоретическое осмысление современных массовых практик потребовало реконцептуализации понятия «массовая политика».

Предлагаемая институциональная модель типологически разграничивает практик «массовой политики, или политики граждан» (массовая политическая активность на основе универсальных норм и ценностей, формирующая и структурирующая политическое пространство) и «политики масс» (стихийное / спонтанное вторжение масс во власть, мотивированное партикуляристскими устремлениями потенциально деструктивное массовое действие).

Параметры и показатели концептуальной схемы эмпирического исследования позволяют оценить возможность возникновения политики граждан / политики масс в России. Критерием дифференциации является ориентация активности индивидов на реализацию прав и свобод (или борьбу за их предоставление / расширение / применение).

Политическая мобилизация строится на двух основных стратегиях – депривационной и гражданской, органичных для разных типов политики. Особую роль в переходе от первой ко второй может играть стратегия эмпауэрмента, на закрепление которой ощутимо влияют гендерные разрывы.

Дифференцирующие основания политических практик разных типов политического поведения (неформальная активность, электоральная поддержка либеральной оппозиции, активная поддержка власти (институционализированное участие), поддержка «старой»

парламентской оппозиции) – это социальное доверие, идентификация с интеллигенцией, опыт участия в уличной активности, а также образование и размер населенного пункта (места проживания), пол и возраст. Расширение доступа к политической информации в интернете вопреки ожиданиям не привело к росту интереса к политике, разнообразие политического контента не сделало его более интересным и востребованным у массовой аудитории: политические предпочтения интернет-пользователей по основным вопросам актуальной повестки дня практически не отличаются от тех, которые демонстрируют респонденты, не включенные во всемирную паутину.

Разработка проблемы представительства в современной демократической теории, включая неинституционализованные формы политического участия, показывает значимость механизмов демократического представительства для современной массовой политики, в частности, механизмов адаптации системы представительного правления к меняющимся социальным и политическим условиям.

Анализ «обыденных концепций» представительства, бытующих в российском массовом сознании, указывает на слабость реального запроса на политическое представительство, речь идет по преимуществу о защите частных интересов отдельных индивидов. Россияне считают оптимальной смешанную избирательную систему, усматривая в ней компромисс между отражением своих интересов и эффективностью функционирования Думы как своего рода законодательного «департамента» государственного механизма.

Рутинизация электоральной активности в отсутствие запроса на политическое представительство препятствует формированию в России институтов современной массовой политики, усиливает тенденцию к политике масс с ее эффектами.

Для изменения существующих тенденций приоритетную важность приобретает выстраивание институтов и культуры массового политического участия и действия.

Типы массовой политики

Для начала обсуждения, предложу вашему вниманию несколько таблиц и диаграмм, которые иллюстрируют некоторые результаты проводимого исследования.

Во-первых, *типы массовой политики*:

ТИПЫ МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ

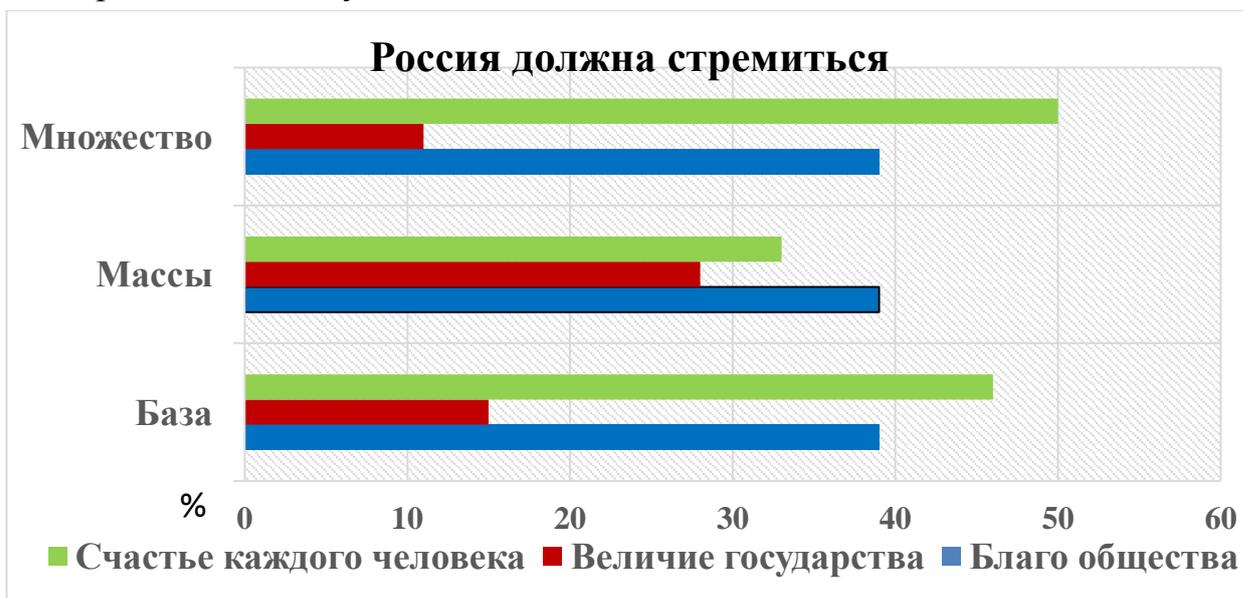
ПОЛИТИКА ГРАЖДАН	ПОЛИТИКА МАСС
МОБИЛИЗАЦИЯ = факторы включения индивидов в институты участия, действия и представительства, в политику	
<ul style="list-style-type: none"> • отстаивание своих/чужих прав и свобод; • представления об общем благе; • «частные интересы общественного значения» 	<ul style="list-style-type: none"> • права и свободы одних общностей в ущерб другим общностям; • сугубо частные интересы; • страх, агрессия
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО = институты трансформации интересов индивидов в управленческие решения	
<ul style="list-style-type: none"> • партийная система, ориентированная на массовое участие • развитие новых форм представительства 	<ul style="list-style-type: none"> • вождистский тип взаимодействия лидера и массы • отказ от представительства («народ берет власть в свои руки»)
УЧАСТИЕ = практики воспроизводства политического порядка и обеспечения социальной и политической стабильности (ВЫБОРЫ)	
<ul style="list-style-type: none"> • «программное» голосование; • бóльшая активность на «низовых» выборах 	<ul style="list-style-type: none"> • рутина • «персональное» голосование • акт легитимизации власти
ДЕЙСТВИЕ = практики, направленные на трансформацию существующего порядка	
<ul style="list-style-type: none"> • коллективные действия 	<ul style="list-style-type: none"> • потенциальная угроза разрушения порядка

Это те аспекты, которые мы изучаем – мобилизация, представительство, участие и действие, и соответствующие параметры.

Массовая политика и политика масс. Мы не определились с окончательной терминологией. «Массовая политика», казалось бы, известное понятие, но, может быть, точнее говорить о политике граждан, или множества. И насколько правомерно понятие «политика масс» (или «массы») для случая, когда сам феномен политики ставится под вопрос?

Далее, в докладе и в резюме заявлено, что базовым параметром, который дифференцирует эти два типа политики, является отношение к правам и свободам.

На этом основании, по результатам нашего обследования 2014 года (в июне-июле было опрошено городское население РФ - 1350 граждан, проживающих в 37 городах и поселках городского типа; отбор респондентов осуществлялся методом стихийной выборки с соблюдением квот по типу населенного пункта, полу и возрасту респондентов), мы выделили две группы респондентов, которые в ряде сопоставлений заметно различаются. В рабочем порядке для фиксации этого различия мы условно использовали понятия *множества* и *массы*.

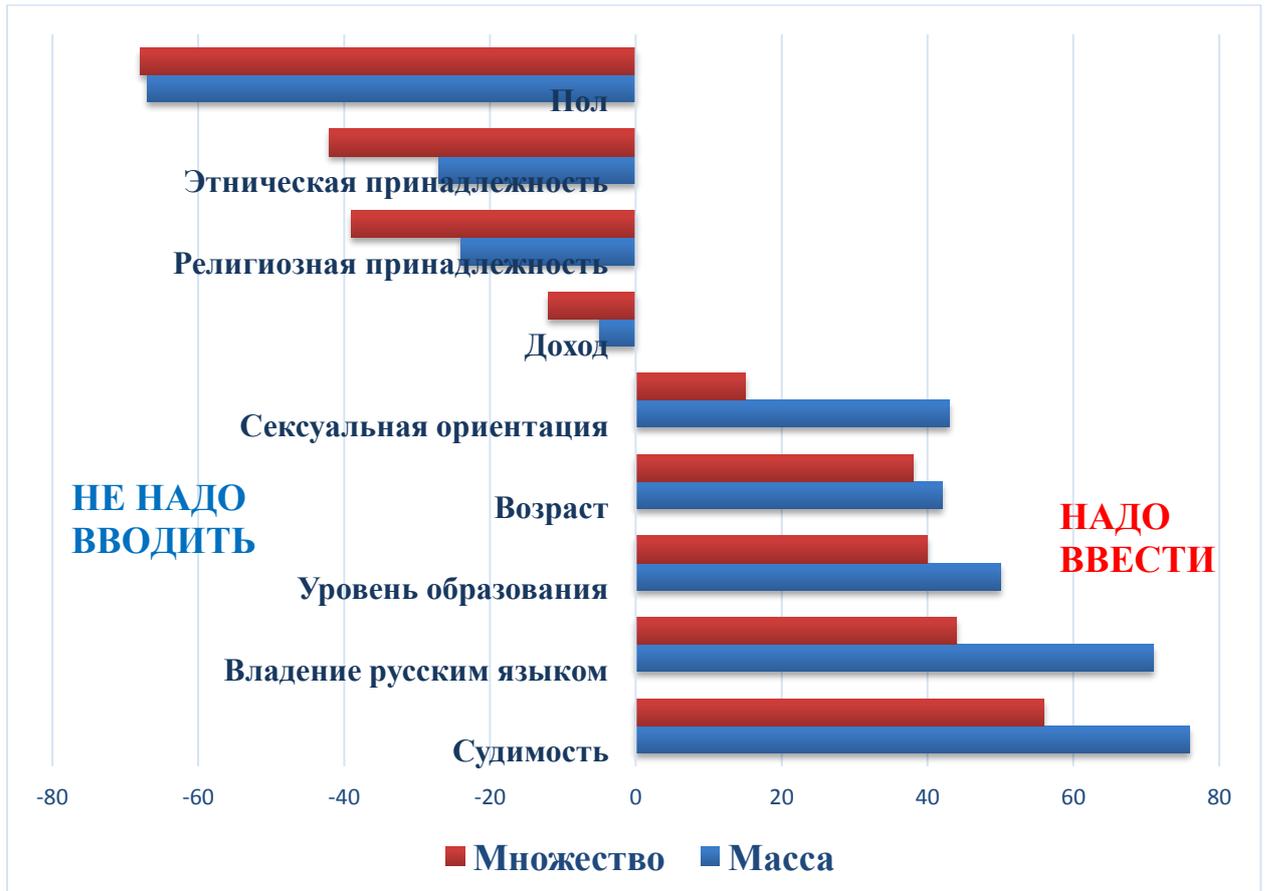
Очевидна нацеленность одних на индивида, других - на величие государства, при совпадении ориентации на благо общества. Видимо, неудобно заявить «не хочу блага общества».

Далее, представительство. Обнаруживается, например, что группа «множество» ориентирована на демократию, а «масса» - на вождизм. То есть, одни готовы к представительству в той или иной форме, другие полагаются на лидера.

Институт выборов – очень показательная картинка. Вопрос был – надо ли ограничивать электоральные права кандидатов и избирателей по признакам пола, религии, этноса, дохода и т.п.?

Обсуждение по этому поводу периодически возникает в России последние 25 лет. Выясняется, что ограничения по полу, этнической и религиозной принадлежности, уровню дохода вводить не надо. Однако ограничения на основе судимости и владения русским языком по мнению массы вводить необходимо, а по уровню образования, возрасту и сексуальной ориентации – желательно.

Приведенные примеры важны не сами по себе, но, скорее, как подтверждение дифференциации характеристик людей, связанных с тем или иным типом политики.

Это относится и к различию мотивов политического участия (в деятельности политической организации) и политического действия (массовых политических акций).

Заметная дифференциация по защите прав (мы группы по этому критерию дифференцировали, поэтому, понятно, он должен давать различия).

Наблюдается также, как мы уже видели, дифференцированный акцент на заботе о будущем – своем и страны. Помимо прав и «заботы» различия проявляются в патриотических чувствах, более выраженных у массы (видимо, здесь корреляция с фактором русского языка).

Политические взгляды, деньги или материальная выгода, призыв власти или политической партии не очень сильно влияют на включенность в тот или иной

тип политики. Это понятно, поскольку у нас нет собственно политической дифференциации как таковой. У людей есть политические взгляды, но это не имеет особого значения – по типу «я верующий, но это не имеет значения».

Наконец, заключительный пример. Вопрос: «Массовые протесты разрушительны для общества или ведут к позитивным изменениям в обществе?»

Множество считает, что протесты скорее ведут к позитивным изменениям, то есть включение в политику ведет к позитивным изменениям. Что касается массы, она довольно самокритична, полагая, что несет в себе разрушительный потенциал. Может быть, под разрушением понимаются изменения. Не исключено. Днями слышал весьма известного аналитика, который выдвинул тезис, что современный политический режим может быть изменен только вместе с самой системой. То есть путем слома и того, и другого. Если система не ломается, не упраздняется, то режим сохраняется. С этой точки зрения, разрушительные действия протеста трудно сказать, к чему относятся. Но это можно обсуждать.

Г.Л. Кертман: В вопросе альтернатива, исключая такую трактовку. Если сама формулировка вопроса противопоставляет разрушение позитивным изменениям, то и при ответе отождествить их невозможно.

С.В. Патрушев: Не буду спорить по поводу конкретных формулировок вопросов - для некоторых социологов это главное, для меня это существенно, но не главное. Дифференциация имеет место быть. А почему она такая, а не другая - давайте обсуждать.

Е.М. Акимкин: В вашем докладе вы совсем не употребляете понятие «социальное участие».

С.В. Патрушев: Нам незачем его употреблять, поскольку речь идет о массовой политике. Мы занимаемся изучением явлений действия, поведения, которые лежат в сфере того, что мы называем «политическое». Впрочем, Ваш вопрос правомерен в том смысле, что в России с политическим проблема, хотя и с социальным тоже. Но это другой сюжет

Эмпауэрмент

С.Г. Айвазова: Коллеги! Мне бы хотелось добавить несколько слов к тому, что было сказано о разведении понятий «политика граждан», «политика масс». Неким дифференцирующим инструментом, на мой взгляд, может служить в этом случае концепт (и стратегия) «эмпауэрмента». В русскоязычной литературе сосуществует множество вариантов перевода термина «empowerment». Я трактую это понятие, ориентируясь на его корневую основу «power» - «власть». Тогда перевод может звучать как «обретение власти». Но поскольку устоявшегося русского перевода данного понятия все еще не существует, а мне не хотелось бы терять какой-то из его глубинных смыслов, я использую англоязычный термин «эмпауэрмент».

И концепт, и стратегия «эмпауэрмент» определяются одновременно как «критическая теория» и как «антидискриминационная практика», нацеленная на расширение массового участия в социальной и политической жизни – не только в форме массовых протестов, но и в различных видах участия в повседневных практиках местных сообществ, коммун, в гражданских объединениях, движениях, в экспертной деятельности, в расширении возможностей общественного контроля и т.д.

Стратегия «эмпауэрмента» развивается там и тогда, когда у граждан формируется некое особое качество, которое принято называть «цивилизационной компетентностью». Один из авторов этого понятия П. Штомпка трактует его как «широкое собрание культурной предрасположенности, охватывающей готовность к участию в политической и самоуправленческой деятельности». Схожее понятие «гражданская компетентность» развивает и патриарх политологии Роберт Даль. С близких позиций смотрит на массы современников американский социолог Говард Рейнгольд, еще в начале нулевых годов выпустивший в свет книгу с красноречивым заглавием «Умная толпа: новая социальная революция». В ней он объявил устаревшим подход к массовой толпе как некоей угрозе, особо подчеркнув, что классический «закон толпы» вот-вот перестанет работать. По его мнению, люди, использующие новые коммуникационные технологии, теперь будут собираться только в «умную толпу». Разновидностью «умной толпы» уже стали флешмобы – мгновенная толпа, спланированная акция, которая собирает большую группу людей с помощью их коммуникации.

По убеждению тех, кто использует понятия «гражданская» или «цивилизационная» компетентность», именно это качество современного гражданина становится одной из предпосылок для институционализации взаимодействия между гражданами и властями, прежде всего, на локальном, региональном уровнях. Такого рода взаимодействие в форме «интенсивных

переговоров», «включения» граждан в процессы принятия решений, по убеждению Чарльза Тилли, обеспечивает состояние «демократии». Тилли доказывает, что «режим можно признать демократическим, если политические отношения между гражданами и государством выражены широкими, равноправными, защищенными и взаимообязывающими процедурами обсуждения». Противоположный процесс, который Тили называет «де-демократизацией», вызывается, как правило, резким сокращением влияния граждан на процессы принятия решений, или их «исключением» из этих процессов. Вместе с этим исчезают основания для стратегии «эмпайэрмент», а также сопряженной с ней массовой политики – в пользу «политики масс».

Впрочем, некоторые влиятельные теоретики в принципе оспаривают саму идею «гражданской» компетентности, а шире – субъектности рядовых граждан. В качестве примера сошлюсь на модного в последнее десятилетие философа С. Жижека, убежденного в том, что основной дефект демократии участия — это недостижимость идеала «всезнающего гражданина». Жижек не отрицает, что время от времени действительно возникают моменты интенсивного «коллективного участия», когда местные сообщества дискутируют, принимают решения, когда люди живут в «чрезвычайном положении», беря инициативу в свои руки, и никакой вождь («хозяин», «господин», «мэтр» - синонимы у Жижека) их не ведет вперед. Но Жижек убежден в том, что такие состояния не могут долго длиться – от них у рядового гражданина возникает «усталость», которую философ относит не к категории «психологии», а к **«категории социальной онтологии»**. И объясняет: «Огромное большинство людей, включая и меня, хотят быть пассивными и полагаться на эффективный государственный аппарат, гарантирующий плавный ход всего государственного механизма, почему я и могу тихо-мирно делать свою работу».

С. Жижек стремится развенчать «миф о прямой самоорганизации» масс, выстроенной в расчете на вовлеченность, активность, самостоятельность граждан, на «самоорганизацию множеств», т.е. на «эмпайэрмент». Он доказывает, что молекулярное «самоорганизованное множество» может быть альтернативой иерархическому порядку только «под сенью» харизматического лидера. По его мнению, абсолютно неверен широко распространенный тезис: «Люди знают, чего они хотят». В действительности рядовые граждане «этого не знают, и знать не хотят, им нужна хорошая элита». Настоящий политик не просто отстаивает интересы людей — через него сами люди начинают понимать, чего они хотят на самом деле.

Такой в общих чертах выглядит основная дилемма в экспертных подходах к современной массовой политике, которая рассматривается в одном случае как процесс, развивающийся «снизу» на основе «эмпайэрмента», эмансипации и самоорганизации «множеств» граждан, включенных в диалог с государством; а в другом - как процесс мобилизации масс, народного «большинства»,

выстраиваемый «сверху» Хозяином, лидером, на основе его воли и видения мира, что скорее исключает «эмпвауэрмент».

Политическое участие, принятие решений, политическая коммуникации

А.И. Соловьев: Коллеги, я бы предложил немного пошире посмотреть на обсуждаемую тематику и учитывать при этом, как минимум, три соображения. *Первое.* Любая – массовая, групповая, индивидуальная – политическая активность для человека вторична, искусственна и производна от основных видов его жизнедеятельности. По сути, политическая сфера есть не что иное, как область критической для человека активности, ибо в политику идут, если только возникает существенная неудовлетворенность по поводу реализации его интересов, нарушаются его ценностные предпочтения и убеждения. Именно поэтому (в случае несовпадения электоральных циклов и времени нарастания критичности массовых и групповых форм сознания) зачастую и «простаивают» электоральные механизмы, так и не наполняясь животворной активностью граждан (в том числе и самых компетентных). В этом смысле, безусловно, прав Жижек, который настаивает на том, что для обывателя важен тот формат взаимодействия с властью, который «не грузит» его какими-то дополнительными обязанностями «влиять на решения», «контролировать элиту» и т.д. Для рядовых граждан куда предпочтительнее заниматься своими делами, будучи убежденными в правомерности и эффективности действий госаппарата. В этом смысле потребность в политическом участии – это такая муха, которая жужжит над ухом человека (будоража гражданские добродетели), но в большинстве случаев так и не толкает его к прямому действию.

Конечно, можно согласиться, что сегодня нарастает более свежая, широкая и даже конструктивная волна гражданского активизма. Но это все равно не меняет существа дела и говорит лишь о некотором численном расширении числа людей, лучше разбирающихся в текущей ситуации, участвующих во флешмобах, интернет-форумах и т.д. Но даже этот факт не критичен для пересмотра исходной установки, поскольку для основной части населения вирус политической активности по-прежнему дремлет в их гражданском сознании, дожидаясь своего «критического» часа.

С этой точки зрения «массовая политика» - это не более чем частный случай фактического расширения бытовой активности граждан (побуждаемой некими существенными для них причинами) и заполнения ею предлагаемых властью каналов представительства, партийного участия, дискурсивного обсуждения проектов и проч. Причем, наибольший политический потенциал этот тип «массовой» активности заключает в себе на региональном и местном уровнях, то есть, там, где мотивы участия наиболее тесно переплетаются с текущими интересами человека.

В целом же государство формирует каналы репрезентации интересов и «массового» участия в расчете на их – даже не максимальное, а – приемлемое для себя наполнение (возводя барьеры, цензы и фактические ограничения для различных категорий граждан, оппозиционных лидеров и проч.). Так что, хотя, безусловно, необходимо добиваться такого формата институализации представительства, который был бы способен впитать в себя активность всех – даже мельчайших – социальных образований и сообществ, все же надо видеть, что такая установка – это скорее мечта, нормативно ценностная норма, чье воплощение весьма далеко от желаемого. Особенно, если учесть тот факт, что правящие круги способны не просто разогревать или остужать политический настрой масс, но и предлагать гражданам политически бесплодные каналы презентации их интересов, которые власти могут беззастенчиво игнорировать (особенно на высшем уровне). Да и истеблишмент также способен перепозиционировать представителей общественности, перестраивая их установки и убеждения.

Точно таким же – частным -- статусом обладает и «политика масс», для которой, впрочем, никаких особых каналов профилирования активности уже не существует. Здесь власти впору думать не об удовлетворении чьих-то интересов, а о поддержании элементарного порядка и даже о самосохранении, необходимости выдержать энергетическую атаку неорганизованной массы. Другими словами, в институциональном плане речь в данном случае должна идти об укреплении (законодательных) границ политической активности как таковой.

Второе. Я бы более осторожно обращался с термином «принятие решений». Другими словами, сам факт проявления – даже массовой, в том числе внезапной и агрессивной – активности, осуществления давления на власти отнюдь не свидетельствует о влиянии граждан на принимаемые решения. В этой связи можно согласиться лишь с тем, что такие совпадения (активности и влияния на принимаемые решения) могут частично работать на местном или региональном уровнях. И то – только частично. В целом же механизм принятия государственных решений вообще не настроен на восприятие таких (в том числе и институализированных) форм массового участия. Даже в случае их активной поддержки со стороны масс медиа. Это специализированный механизм, центры которого откликаются на давление только ресурсно оснащенных группировок и коалиций правящего класса. И поэтому здесь снова прав Жижек, который утверждает принципиальную роль элиты (точнее – элитарных альянсов), от которой зависит и степень восприятия и гражданских интересов как таковых, и форм влияния масс на органы и структуры власти. Поэтому, говоря о «принятии решений», я бы вообще забыл и про «массы», и про «парламенты», и про «министерства», которые во многом вполне фиктивно участвуют в этом процессе. И никакая «демократизация» или учет «гендерных аспектов» этот механизм не изменит.

Коротко говоря, можно утверждать, что, во-первых, каналы представительства гражданских интересов в лучшем случае выступают в качестве структур, обладающих предпосылочным, предварительным и необязательным к учету мнений граждан статусом. И, в конечном счете, все гражданские инвективы упрутся в «стеклянные стены» согласования этих позиций с мнением госменеджеров, что зачастую используется как формальное доказательство «участия масс», а на деле лишь подкрепляет «нужные» власти решения чиновников.

Во-вторых, специфика механизмов принятия государственных решений показывает принципиальную ограниченность институализации массового участия граждан (оставляя открытым вопрос: а для чего это нужно – для прикрытия подлинных механизмов выработки государственных стратегий? для сохранения у граждан самоуважения? для расширения возможностей, когда люди действительно смогут на что-то влиять? для сохранения «демократического облика» государства? и т.д.).

Третье. Даже признавая, что интернет-активность сохраняет пока еще подчиненное положение по отношению к массовым формам участия, нельзя не учитывать качественную трансформацию политического пространства. А суть этих трансформаций не столько снижает роль традиционных институтов представительства, сколько меняет акценты в их позиционировании. Другими словами, речь сегодня должна идти не столько о том, как массовые интересы (в каких формах, под чьим водительством и проч.) и при наличии каких представительских институтов могут сегодня встроиться в систему политической власти, повлиять на принимаемые решения и т.д., сколько о том, смогут ли «массы» вообще наладить с властями осмысленную коммуникацию, предполагающую содержательную трансляцию позиций, согласование мнений и т.д. Иначе говоря, прежняя связка «интересы - институты представительства – влияние на власть» уступает по значению свое место более принципиальной диспозиции «налаживание контактов власти и масс - формирование коммуникации – совместное взаимодействие». То есть, институализация должна, прежде всего, подстраиваться не под представительство интересов, а под превращение контактов указанных сторон в политически значимые, осмысленные коммуникации.

Это в какой-то степени уже трюизм. Но именно он показывает, что коммуникации – это эпицентр современного представительства, демонстрирующий, прежде всего, не что (интересы), а как (в рамках плотных или спорадических контактов, с использованием каких символов, языков и знаков и т.д.) возможно реализовывать заявки граждан на власть. Именно коммуникация показывает принципиальную возможность расхождения интересов и позиций, нормативного и фактического функционирования государственных институтов, необязательности и проблемности политического взаимодействия масс и власти. Поэтому сегодня важен не

столько сам интерес (заданный объективным позиционированием группы), а занимаемая гражданами позиция (которая может существенно отклоняться от его объективного содержания), не организационные формы, а качество информационных обменов между людьми и властью и т.д.

Хотим мы или не хотим, но общий вектор политической эволюции смещается к такой системе взаимодействия власти (государства) и общества, при которой будут доминировать спорадические (проектные) формы гражданского давления на власть, исключая «массовые» формы активности. Эволюция поля политики становится существенно зависимой не от институтов, а от личностей (лидеров общественного мнения), что трансформирует и нормы политической игры, и типы мобилизации (отнюдь, не сводимой к депривационной и гражданской). Коммуникативная природа политики делает ее более человеческой и непредсказуемой, а ее «массовость» показывает лишь степень группового расширения тех или иных гражданских требований, ничуть не претендуя на какую-либо всеохватность и тем более не обозначая общественный характер интересов граждан.

Так что, все эти тренды, конечно же, требуют институциональной перестройки демократии. Но перестройки, не замыкающейся на традиционных формах электорально-партийного представительства, а делающей акценты на коммуникативных и аксиологических параметрах политической игры.

Содержательная концептуализация или игра словами?

П.П. Марченя: Рискну высказать некоторые частные соображения по поводу предложенных к дискуссии вопросов. Сначала несколько слов о ключевых концептах, вынесенных на обсуждение. Прежде всего, это «массовая политика» и «политика масс». Под первой предлагается подразумевать «массовую политическую активность на основе универсальных норм и ценностей, формирующую и структурирующую политическое пространство». Под второй – «стихийное/спонтанное вторжение масс во власть, мотивированное партикуляристскими устремлениями, потенциально деструктивное массовое действие». Соглашусь, что эти два понятия действительно необходимо различать, в этом есть и методологический, и теоретический, и практический смысл. Но, как историк, практик, не могу не отметить недодуманность озвученных формул, надуманность предложенных схем.

«Массовая политика» – как некая конструктивная «массовая политическая активность на основе универсальных норм и ценностей, формирующая и структурирующая политическое пространство», – это миф. Если хотите, это химера и фикция... На мой взгляд, в рамках концептуального противопоставления «массовой политики» и «политики масс» так называемая массовая политика может быть позитивно представлена лишь как политика,

ориентированная на массы, осуществляемая с учетом и использованием масс... и т.д. ... – но не как политика, осуществляемая массами. Массы выступают объектом, а не субъектом политики, если только речь идет не о том, что сами теоретики такого противопоставления называют «политикой масс». Да и в самой попытке определять «массовую политику» через «массовую политическую активность» уже содержится очевидная логическая ошибка.

Многие другие критерии, схематично презентованные для различения этих двух типов политики, тоже не выглядят достаточно убедительными. Так, мне непонятно, например: на чем основывается стремление увидеть в факторах мобилизационного вовлечения масс в политику, якобы типичного для «политики масс», исключительно «сугубо частные интересы»? Разве массы не вторгаются в политику только тогда, когда появляются всеобщие интересы/угрозы, которые, собственно и формируют сами «массы» как неклассическую ситуативную социальную общность, когда для вовлеченных в «массу» представителей разных классических общностей временно теряют значимость частные интересы и различия – перед лицом общих/всеобщих вызовов? Не вижу смысла и в противопоставлении «вождизма» и «массовости» – это две стороны одной медали, и в истории как раз «вождистский тип» и обеспечивал неоднократно наибольшую «массовость». Противопоставление «программного голосования» и «рутины», и тем более «коллективных действий» и «потенциальной угрозы разрушения порядка» (!) вообще напоминает попытку развести по «налево, направо» все, что кажется теоретикам «хорошим» и «плохим», вне всякой исторической практики.

Повторюсь: есть здоровое, рациональное зерно в этом наглядном разведении по разным столбцам концептов «массовой политики» (как обязательной работы политических элит с потенциальными «массами» в «нормальное» историческое время, во избежание срыва в «смуту») и «политики масс» (как спровоцированного элитами вынужденного выхода масс на историческую сцену в «смутное время»). Безусловно, есть. Но вот терминологическая и фактологическая конкретизация такого концептуального различия явно нуждается в корректировании и доработке. И в ходе такой работы нельзя забывать, что категория «масса» со всеми своими производными принципиально не сводима ни к «множеству», ни к «большому количеству» – по смыслу она является не количественной, а качественной. Не уловив и не зафиксировав словесно этого качества, можно сколь угодно долго играть словами, но...

Кстати, и об игре словами... Предвижу обвинения в дремучем провинциализме и всякое прочее тому подобное, но все же осмелюсь еще на одну критическую реплику. Думаю, что некоторым отечественным ученым зря не хватает решимости выражать свои мысли на русском языке, без трепетного отношения к задам англоязычной социологии. Рад за коллег, без труда выговаривающих слова типа “empowerment”, но не уверен, что это хоть сколько-то приближает нас к пониманию сути проблем, вынесенных на обсуждение.

С.В. Патрушев: Небольшая справка. Согласно толковым и этимологическим словарям английского языка, empowerment означает *расширение прав и возможностей, наделение или делегирование власти или авторитета, способности*. Синонимы слова – ордер, лицензия, право. В Англии слово возникло в середине 17 века, использовалось еще Мильтоном, его современная популярность датируется только 1986 годом (30 лет для понятия, даже в наше время – не срок). Его русский перевод варьируется от уполномочивания до чувства силы. В любом случае речь идет о праве, власти, способности что-то делать.

Л.Е. Филиппова: Эту песню, похоже, не задушишь, не убьешь. Куда ни глянь, везде элита, причём, видимо, божественного или инопланетного происхождения. В «нормальное» время элита не даёт массе сорваться в смуту, а потом *элита* решает, что «смутное время» наступило, и давай провоцировать массы выходить на историческую сцену! Про то, что «народ имеет то правительство, которое заслуживает», никто в последнее время не вспоминает. А по-моему, это как раз про то, что именно *масса* продуцирует элиту; и своим бездействием она её продуцирует так же, как могла бы продуцировать действием.

Гендерный аспект политической мобилизации

Т.Б. Рябова: На нашем прошлом круглом столе, мы, в числе прочего, обсуждали специфику политической мобилизации в России: как, с помощью каких ресурсов она обеспечивается, насколько она эффективна в отношении различных групп населения, в отношении большинств и меньшинств. События, произошедшие за эти полтора года (экономический кризис и падение уровня жизни, острое противостояние с ЕС и США из-за событий на Украине, Олимпиада, и др.) должны были повлиять на практики политической мобилизации масс.

Напомню, что такое политическая мобилизация. Процесс политической мобилизации интерпретируется как задействование политическими акторами различных материальных и людских ресурсов для достижения своих целей, вовлечение индивидов и групп в различные формы политической активности. В современном мире политическая мобилизация осуществляется по преимуществу не с помощью насилия, а непрямыми методами, будь то использование авторитета политического лидера, манипулятивные методы, эксплуатация мобилизационного потенциала ценностей и символов. Одним из них является апелляция к идентичности (индивида, партии, нации, масс и т. д.). С помощью подобной мобилизационной практики возможно, например, обеспечить необходимое электоральное поведение, поддержать политическое участие, направить или предотвратить гражданское действие. Заметим, власть,

осуществляемая через дискурсивное воздействие на идентичность, намного эффективнее, поскольку реализуется на микроуровне [Фуко]. Эффективным способом политической мобилизации, осуществляемым способом воздействия на идентичность, является использование образа Чужого; девиантному Чужому противопоставляется “нормальный Свой”. Практики политической мобилизации задействуют различные типы идентичности: национальную, гендерную, конфессиональную, цивилизационную и др. *Значимость гендерной идентичности в практиках политической мобилизации определяется тем, что взгляды на различия полов очень устойчивы, отношения между мужчинами и женщинами расцениваются в обыденном сознании как наиболее очевидные, понятные, а потому легитимные.*

Данные опросов ведущих социологических служб показывают высокий уровень поддержки гражданами политики, осуществляемой властью. В выступлении на предыдущем круглом столе мы показали одну из новых тенденций - включение в практики политической мобилизации образ гендерно девиантных Чужих, Европы и США. Этот образ появляется при обсуждении демографической политики и политической системы России, места страны в современном мире и ее отношений с другими государствами.

В ходе исследования, осуществленном в 2014 г., мы пришли к выводу, что эта тенденция укрепилась. Она стала артикулироваться не только в массовом сознании (через комменты, блоги и т.д.), но перешла в плоскость публичного дискурса. Ее взяли на вооружение журналисты, эксперты, политики и чиновники.

Дискурс российского антизападничества репрезентирует европейскую цивилизацию как вырождающуюся, и «извращение нормального гендерного порядка» в европейских странах служит самым очевидным доказательством этого. Гендерно девиантный образ Европы и США (немужественные мужчины и неженственные женщины, признание гомосексуальных браков и разрушение традиционной семьи) выполняет компенсаторную функцию для российской идентичности, не только помогая реабилитации российскости, но и порождая новую редакцию мессианской идеи: Россия как оплот христианства и бастион традиционных ценностей спасет Европу и мир. Кроме того, этот образ включается в легитимацию политического порядка. Изменения гендерного порядка в Европе и США репрезентируются как представляющие опасность для России, что позволяет сторонникам власти позиционировать ее в качестве гаранта сохранения нормальности страны. В подобном контексте оппозиция власти в России маркируется в качестве проявления не только национального предательства, но и гендерной девиантности. Маскулинность и фемининность представителей «креативного класса» трактуются как извращенные и потому нелегитимные; политическая оппозиционность нередко объясняется их гендерной ненормальностью.

Образ гендерно девиантных Европы и США становится фактором легитимации и гендерных отношений в российском обществе, поскольку с его помощью устанавливается, что должно считаться гендерной нормой, а что девиацией. Чужие в гендерном аспекте получают маркер Чужих в отношениях политическом и национальном; нетрадиционные сексуальные отношения представлены в российском антизападничестве в качестве угрозы не только традиционному гендерному порядку, но также национальной идентичности, национальной безопасности и стабильности власти. И эти аргументы также используются в политической мобилизации. Наконец, образ включается и в геополитический дискурс, репрезентирующий политику России по отношению к ЕС. «Гендерно девиантной» Европе приписывается недостаток мужественности, и, соответственно, военной и политической силы. В ходе украинского кризиса представление о слабости Евросоюза нашло выражение в убежденности, что он не способен серьезно отреагировать на присоединение Крыма к России.

В 2014 году подобного рода политическая мобилизация “правильных оценок” и, в конечном счете, “правильного поведения” россиян осуществлялась с помощью гендерно девиантных образов Чужих в освещении евроинтеграции Украины (намекы на сексуальную ориентацию лидеров евромайдана, необходимость гей-парадов как условие вступления Украины в ЕС, использование гендерных и сексуальных метафор (например, метафоры проституции) для доказательства неправильности политического выбора пути Украины и правильности пути России). Все эти репрезентации Украины имели своей целью показать угрозу фундаментальным ценностям и важнейшим святыням Украины, ее национальной идентичности. При этом подобное использование образа гендерно девиантной Украины в российских репрезентациях Евромайдана было предназначено не только для украинской аудитории, но и для собственных граждан. Идея о том, что ориентация Украины на евроинтеграцию неизбежно приведет к уничтожению этой страны, позволяет нынешней власти показать гражданам, что в России именно она выступает гарантом нормальности. Медиа стараются убедить аудиторию – и в России, и на Украине – в том, что евроинтеграция представляет собой присоединение не просто к чуждой, но к вырождающейся цивилизации; «противоестественность новых гендерных норм» свидетельствует и о противоестественности выбора Украиной «Гейропы» в качестве основного партнера.

Такие репрезентации украинского кризиса важны для позиционирования России как сильной, привлекательной и перспективной страны, для легитимации российской власти, поскольку позволяют представить ее в качестве гаранта сохранения и национального суверенитета, и привычных гендерных норм. Поскольку, согласно данным социологических служб, такие оценки разделяются большинством наших сограждан, они могут и будут использоваться в практиках политической мобилизации массового поведения.

Общественность: между массой и элитой

Ю.Г. Коргунок: Когда я был на прошлом круглом столе, говорил, что меня само по себе что-то смущает в концепции массовой политики, массового участия. Не знаю, удалось мне выразить свою мысль или не удалось. Сейчас постараюсь об этом поподробнее, более четко и ясно сказать. Получается, что мы описываем ситуацию в политике, используя два крайних, предельных понятия – «масса» и «элита». Посередине ничего практически нет. А это все равно, что пытаться тонкие оттенки цвета определить с помощью черного и белого. Получается серое, не получается там даже зеленого. Мне кажется, что тут не хватает каких-то опосредующих категорий, как раз Сергей Викторович говорил «множество», мне кажется, он и пытался ввести эту опосредующую категорию. Я использую в качестве такой опосредующей категории понятие «общественность».

Что такое общественность? Это слой людей, которые явно не принадлежат к элите, тем более к правящей элите. Их значительно больше, чем все элиты, но это все равно довольно незначительная часть общества. В лучшем случае, это 5%. Это люди, которые отстаивают свое право на политическое участие. Понятно, что по каким-то критериям они просто не дотягивают до элиты, вернее, между ними и элитой есть какая-то связь. И, разумеется, из кого элита обычно черпает свои кадры - скорее всего, из общественности, не напрямую из масс. В каждом, как мне кажется, обществе есть доля общественности, и она колеблется. Она может быть очень незначительной, как в России 19 века. Была там общественность, несомненно. Но такое ощущение, что с элитой она была в одинаковом количестве или в сопоставимых долях. А, например, в Америке доля людей, которым не все равно, которые политикой интересуются, она гораздо шире, и по этой причине там возможно такое явление, как праймериз.

Праймериз пытаются устроить во всех остальных частях мира, где-то получается, где-то получается, но не очень, где-то не получается совершенно. Ну, допустим, я знаю, что в Европе в последнее время активно прибегают к этой практике. В частности, насколько мне помнится, Олланда выдвинули на праймериз. А вот в России, сколько не использовали праймериз, все время это каким-топ-шиком заканчивалось.

Допустим, я помню единственный случай настоящих праймериз, это было в Москве, когда место депутатское Хакамады освободилось, и демократы провели праймериз, и, по-моему, представитель Республиканской партии даже на них выиграл. И кончилось тем, что выборы просто не состоялись, не пришло достаточное количество человек. То есть, вроде та же самая процедура заканчивается совершенно другим. Потом у нас еще были другие примеры праймериз, Единая Россия проводила в преддверии выборов 2007, 2011 годов. Это полная мистификация. Если в 2007 году это напоминало процедуру

праймериз, и какие-то люди со стороны выдвигались, правда, это закончилось тоже пшиком. Кто-то выдвинулся по процедуре праймериз, но это ничего не означает, его не выдвинули в список «Единой России», а в 2011 г. праймериз дали те самые результаты, которые «Единой России» и требовались. Получается, что если нет реального общественного участия, то из этой процедуры получается полный пшик. Фактически ничего не получается.

Обратимся к 2007 году. Что означает, когда человек победил на праймериз, но не попал в избирательный список? Вы в США можете представить такую ситуацию: Обама был поддержан на праймериз демократами, но вдруг кто-то посоветовался и сказал «нет, пускай лучше идет Клинтон, мы тут подумали, что вы, ребята еще не соображаете, что делаете, поэтому мы этот вопрос решили»? Там никто бы и заикнуться не посмел, настолько это вещь невозможная. Потому что есть этот слой, который я как раз обозначаю «общественность», который делает невозможным то, что возможно у нас.

Почему, как я думаю, понятие общественности не появилось в западной политологии, почему, как правило, если это понятие и применяется, то по отношению к таким странам, как Россия? А потому что именно у нас такая конкретная ситуация, конфликт власти и общественности воспроизводится от раза к разу. Как возник этот конфликт в XIX веке, так он и потом несколько раз воспроизводился: и в конце 80-х гг., и сейчас. Наша элита, тем более правящая элита, стремится обособиться и не пускать никого в свои ряды со стороны, сама занимается собственным воспроизводством. В то время как на Западе, не только в США, но и в Европе, не то, чтобы стерта граница между общественностью и элитой, просто элиты и общественность расколоты одинаково. Тот же инструмент партий, инструмент вовлечения общественности в политику, в каком-то плане и инструмент подготовки той же самой элиты.

В то время как у нас создалась сама власть, а что такое власть -это исполнительная власть, это бюрократия, она сама себя и воспроизводит. Она может кого-то взять со стороны, а может и не взять. И решает она, кого брать и кого не брать, сугубо по своим причинам. И поэтому получается так, что за пределами элиты остается широкий слой общественности, который никак не имеет шансов в эту власть попасть. Возникает процесс противостояния власти и общественности. Причем, каждая из сторон выдвигает против другой вполне обоснованные аргументы. Власть говорит: это кто выступает против нас, тем более от имени общества? - Это «национал-предатели», иностранные агенты. Посмотрите, это же горстка людей. Это какой процент населения, сколько там вышло людей в память Б. Немцова? 100 тысяч человек. Что такое 100 тысяч по сравнению с 2 миллионами в Париже? Это всего 1% населения, и он пытается вам диктовать. При этом власть умалчивает, что она сама составляет еще меньшую долю. Получается, что эта меньшая доля влиятельнее гораздо более широкого круга людей, которые пытаются принять участие в политике.

Тут мы как раз подходим к вопросу о том, как взаимодействуют общественность и власть с обществом.

Между властью, общественностью и обществом в целом существует такой треугольник, и каждая из этих частей по-своему общается с обществом. Та же самая общественность, понятно, что как-то эти люди взаимодействуют с первичными группами внутри общества. Другое дело, если само по себе общество к политике довольно инертно, политика им неинтересна, то для них и общественность будет «дураки, идиоты, чудики, которые о чем-то своем говорят, нам это совершенно неинтересно». То есть, власть во многом обществу где-то и ближе, что ни говори у нас широкое, большое государство, которое плохо выполняет свои функции, но, тем не менее, это большое государство, и оно занимается теми проблемами, которые обществу ближе: социальная сфера, медицина, много чего еще. Вот, о чем говорит власть, народу понятно.

О чем говорит общественность, ему не понятно. Какое-то политическое участие, к чему это? Политика - это как раз и есть та самая «мышинная возня», перетягивание каната, в общем «грязное дело», нас это не интересует. И только в те моменты, когда власть ослабевает (именно по причине того, что плохо выполняет свои функции, допустим, вследствие экономического кризиса, тем более вследствие какого-нибудь глубокого идеологического кризиса, как это было с коммунистами), вот тут у общественности появляется возможность наладить свой контакт с обществом. Вот тут начинает общество, соответствующие первичные группы, прислушиваться. Вчера он еще был еще дурачком, сегодня он уже человек, которые вообще-то говорит дело, человек, к которому нужно прислушиваться. В этих условиях выясняется, что общественность обладает изрядной силой, и оказывается, что во многих вопросах власти бывает просто нечего ответить. Ситуация перекашивается в другую сторону. Власть теряет, общественность находит.

Мне кажется, тут важнее всего изучать именно взаимоотношения между общественностью и обществом. Все, что я говорю, это просто мои предположения, то, как у меня сложилась в голове картинка. Я тут ничего не изучал на самом деле. Я могу изучать взаимоотношения между властью и общественностью, это я и наблюдаю каждый раз, когда изучаю деятельность хотя бы политических партий, внесистемных движений, отдельных политиков, взаимоотношения с властными кругами, с властными фигурами, я суть этих отношений могу как-то выделить. А понять, как взаимодействует общественность с обществом, с первичными социальными группами, я не могу, потому что могу в качестве примера только использовать свой личный опыт - как я взаимодействую с теми людьми, которые ко мне прислушиваются, но, так скажем, политикой не интересуются. Но понятно, это, что называется, совершенно не показатель. Тут надо привлечь инструменты социологии. Для того чтобы привлечь эти социологические инструменты, сначала нужно выделить этот самый объект, эту самую общественность. Понять, как ее можно

операционализировать, что тут изучать, в чем тут предмет исследования, и после этого можно продвигаться дальше. Я изложил то, в каком бы направлении я бы развивал.

С.В. Патрушев: Один вопрос, очень простой, вы понимаете, как работает власть с общественностью, но не понимаете, как работает общественность с обществом. А вы понимаете, как власть с обществом работает?

Ю.Г. Коргунок: Я включаю телевизор, и вижу, как власть работает с обществом.

С.В. Патрушев: А как общество с властью? Исключительно в режиме инертности?

Ю.Г. Коргунок: Вы знаете, когда обычно общаюсь с родственниками, с однокурсниками, я выясняю, что мне они верят, мне они доверяют, но порой несут такую явную ересь, которую они явно не из собственного опыта взяли, а из телевизора.

С.В. Патрушев: Одно замечание, даже не столько к Вашему выступлению. Вот я читаю текст: Сартори ввел два измерения политики - вертикальное и горизонтальное. Вертикальное – элиты - массы. Горизонтальное – это люди, общественность, не общественность. И далее, пишет элитолог, рассказывая о Сартори, современный мир характеризуется усилением вертикали и, если не упразднением, то сильным нивелированием горизонтали. Политика строится по вертикали, а горизонталь практически значения не имеет. Одновременно я читаю про мегатренды мирового развития и узнаю, что в 2022 году, то есть завтра практически, произойдет крупнейшее событие в истории человечества: «Большинство человечества станет средним классом». Такого никогда не было. А средний класс обладает определенными характеристиками, с точки зрения образования и т.д. (С середины прошлого века доля грамотного человечества увеличилась с 50 до 80%!) То есть горизонталь исчезает в политике, но средний класс как раз появляется. Что он делает в этой политике?

Ещё одно замечание. Мы в 1990 году выпустили книгу «Массовые движения в современном обществе», некоторые из присутствующих в ней участвовали. Речь шла о движениях на Западе. То есть эта тема для нас не новая. И вот происходят два события, мы о них уже немного говорили. Одно событие вошло в историю как «Манежка», а другое - как «Болотная». И мы задали вопрос, а вообще, что это такое? Как соотносится с явлениями, о которых мы писали почти четверть века назад.

М.С. Горбачев, презентуя недавно свою последнюю книгу, сказал, что особенностью современной российской власти является стремление всячески людей из политики вытолкнуть. И это, несомненно, так. Но, как говорить, жизнь богаче. Буквально в эти дни, после известных событий, вдруг и в газетах, и на телеэкране, и в интернете неожиданно появилась одна мысль, причем со стороны власти, если не самой высокой, но все же «единой»: может

быть все-таки, пустить кое-кого в политику. Зачем совсем людей загонять в угол, все равно они безвредные, пусть поучаствуют, может быть, это имеет смысл.

Мне кажется, вопрос не в общественности, не в том активном слое, который существует. И активный слой, как вы сами сказали, фактически не является посредником между властью и обществом, по крайней мере, в российских условиях. Проблема заключается в том, что делать с обществом. Да, общество не хочет участвовать в политике. Какой нормальный человек будет участвовать в «политике», которая привела к тому, что мы чуть ли не в «прямом эфире» наблюдали убийство той знаменитой теперь уже ночью? Кто будет в этой политике участвовать, кому это интересно? К тому же это и страшно. Но это не снимает проблему участия людей в политике.

И последнее замечание. Мы заявили, что хотим переопределить понятие массовой политики. В нашей научной литературе это понятие сегодня фактически отсутствует. Если вы в Google наберете «массовая политика», он выдаст наш прошлогодний круглый стол. Ничего более. Остальное по мелочам. У нас была странная идея показать, что в участии масс, в участии людей в политике есть позитивное начало, которое, к сожалению, остается исключительно на словах, и есть негативное начало, нельзя это отрицать. То есть, переопределить массовую политику так, чтобы показать, что в ней есть позитивное начало. Вот «Арабская весна». Это что такое - катастрофа, способ свержения президента, способ вовлечения людей в политику? Какие последствия дальнейшие? Или вообще не надо было никого пускать, вышли бы военные, свергли, кого хотели. В этом заключается проблема.

Для меня общественность, которую вы предлагаете (я вам признателен, что вы не использовали другое опошленное слово – «публика»), может быть, и является посредником между властью и, скажем так, широкими слоями (не массой) или обществом. Может быть этот посредник – общественность, может быть, его роль велика. Но она велика в чем? - Вот проблема.

Ю.Г. Коргунюк: У меня подозрение, что когда вы описываете массы и массовую политику, вы как раз описываете общественность.

С.В. Патрушев: Боюсь, что нет. Надеюсь, что нет.

Ю.Г. Коргунюк: Дальше общественности мы ничего не видим. Ее мы видим. Она выходит на Болотную, она приходит на манифестацию памяти Немцова, мы ее замечаем. А вот, что стоит дальше, мы не видим.

С.В. Патрушев: Может, наши коллеги нам сегодня расскажут. Они умудряются изучать гражданскую активность на общероссийской выборке. Это для меня загадка. Думаю, невозможно общественность зафиксировать через общероссийскую выборку. Эти несколько процентов, которые у нас общественность составляют, откуда вы их возьмете. Ситуация такая – либо граждане будут участвовать в трансформации, либо не будут. Это мое утопическое,

идеалистическое, абстрактное убеждение, как хотите называйте. Либо граждане будут участвовать, тогда могут быть изменения позитивного порядка. Либо граждане не будут участвовать и потом говорить: «Как же так случилось?». Знаете, один коллега, фамилию называть не буду, он просил не называть, сказал, что ближайший этап России – фашизация, фашизм. Интересно: а кто? Ну, это тренд такой, условия такие. Германия стала фашистской после поражения в Первой мировой войне, Россия станет фашистской после поражения в «холодной войне». Кто сделает Россию фашистской?

Ю.Г. Коргунюк: По-моему, ее уже сделали.

С.В. Патрушев: А по-моему, совсем нет. Когда то я феномен фашизма специально изучал. И немного знаю, что такое фашизм. Но он может быть в вещах, которые я показывал. Вы знаете, что самое любопытное? У нас представителей политики граждан оказалось больше количественно, чем представителей политики масс. То есть тех, кто несет позитивное начало, в нашей выборке (может быть, это выборка такая) оказалось больше, чем тех, кто несет в себе негативное начало. Вот такая ситуация.

Ю.М. Баскакова: У меня был вопрос и к Вашему выступлению, примерно тот же самый вопрос, который был к Юрию Григорьевичу. Мой вопрос был простой – по каким критериям можно было бы попытаться вычленивать, отделить от общества ту самую общественность, даже если не называть точно какие-то параметры операционализации. В какой сфере они могли бы лежать, в какой плоскости, эти критерии. И раз Сергей Викторович выступил с замечанием, то я и ему адресую вопрос из той же серии. Вы когда показывали эти графики-разграничения: масса, множество, и привели свой критерий – отношение к правам человека, – у меня возник тот же вопрос, который вам задал Юрий Григорьевич. А зачем понятие «множество»? И чем оно будет отличаться от общественности? От людей, которые являются приверженцами какого-то вида ценностей – либеральных, демократических. У нас много таких понятий.

С.В. Патрушев: Я не считаю, что права человека являются исключительно либеральной ценностью, для начала. Тогда это будет означать, что у нас все человечество насквозь либеральное. Все граждане, как выясняется, у нас либеральные. Если они не либеральные, у них, видимо, нет прав и свобод.

Ю.М. Баскакова: И третьим пунктом своего вопроса я хотела бы высказать гипотезу о том, что если мы проводим разграничение между массой и множеством в том виде, в котором это сделано в резюме аналитического доклада, то, видимо, более продуктивными критериями разграничения будут не признаки отношения к чему-либо, а сам характер склейки этих общностей.

С.В. Патрушев: Я не показал другие слайды, из которых следует, что ни по каким другим признакам дифференциация не обнаруживается. Ни по возрасту, ни по образованию, Это носители определенных типов ценностей, среди которых присутствует и эта ценность, как дифференцирующая. Права и

свободы – это ценность в России. И это не либеральная ценность, настаиваю на этом.

Ю.М. Баскакова: Я позволю себе предположить, что если в определенном массиве не обнаружилось между различными группами каких-то серьезных разграничений по каким-то вопросам, это не основание для того, чтобы подгонять понятие под эмпирические данные, потому что тогда мы лишаем ценности это понятие.

С.В. Патрушев: Я не понял, что вы сказали. Это не так, мы ничего не подгоняем. Как Вы знаете, мы построили модель, предложили критерий дифференциации и этим критерием воспользовались. Применение этого критерия дало нам разделение на типы политики. При идеал-типическом конструировании критерии не выводятся из эмпирических данных, а, напротив, эмпирические данные соотносятся с критериями, «назначенными», исходя из теоретических соображений.

Ю.М. Баскакова: Пока не забыли, Юрий Григорьевич, я бы хотела вернуться к вопросу об общественности.

Ю.Г. Коргунок: Как выделять? Для меня важен один признак. Это политическое участие.

Ю.М. Баскакова: То есть, это готовность куда-то ходить и выразить свою позицию?

Ю.Г. Коргунок: Я тоже готов ходить, но очень редко получается куда-то сходить, выясняется, что я, видимо, не принадлежу к этому слою общественности. Я со стороны наблюдатель, и не могу справиться с ощущением дискомфорта, когда нахожусь в толпе, которая меня куда-то ведет. Для кого-то это счастье и удовольствие, а для меня это дискомфорт. Я перестаю контролировать ситуацию. Но многие люди ходят постоянно куда-то, и постоянно в чем-то участвуют. И пусть даже они не выходят, возьмем интернет, кто-то в интернете активничает. Я вот просто использую социальные сети как источник информации, они выводят меня на определенные ссылки, я знакоюсь с материалами. Многие мои знакомые активно ведут «фейсбучную» жизнь, они там постоянно что-то комментируют, постоянно что-то высказывают. Для меня это тоже позиция, она мне понятна, но не очень близка. Я не очень стремлюсь поделиться своим мнением с широкой общественностью, а эти люди хотят. Это большая научная задача, как в выборке отделить представителей общественности от постороннего человека.

С.В. Патрушев: Если говорить о критерии участия, то у нас серия работ была посвящена этому. Только мы там не называли это общественностью, по-другому называли.

Л.Е. Филиппова: Можно ремарку сделать по этому поводу. Как мне представляется, если мы начинаем определять общественность исключительно

через активность, сразу возникает как минимум два вопроса. Что делать с такими людьми, которые никуда не ходят? А они при этом могут быть носителями каких-то ценностей, вполне гражданских. Ведь в принципе у нас вся активность сводится в последнее время к тому, чтобы выйти на какую-нибудь площадь. Где выборы? Где другие механизмы влияния людей на политику?

Ю.Г. Коргунок: Особенность ситуации нашей, что все другие пути отсекаются.

Л.Е. Филиппова: А почему они отсекаются?

Ю.Г. Коргунок: Они осознанно отсекаются, чтобы люди, случайно оказавшиеся у власти в начале 2000-х годов, никогда эту власть не потеряли, чтобы править вечно.

Л.Е. Филиппова: И второй вопрос. Если мы определяем общественность, как людей, которые вышли на какую-то площадь, мы подразумеваем людей, которые вышли на Болотную площадь. Но у нас же еще есть люди, которые вышли на Манежную площадь.

Ю.Г. Коргунок: Это общественность, это другая общественность.

Л.Е. Филиппова: Появляется две общественности? Это усложняет модель.

Ю.Г. Коргунок: Конечно, она одна, общественность внутри дифференцирована.

С.В. Патрушев: Инструмент анализа этой дифференциации и был нами предложен. Нет единого типа политического участия.

Г.Л. Кертман: Если общественность определяется через участие, то представим себе ситуацию, в которой любые публичные действия запрещаются, интернет отключается, и общественность исчезает вообще? Или критерий нехорош, или...

Ю.Г. Коргунок: Тут еще стоит включить машину политических репрессий, сажать за анекдоты.

Г.Л. Кертман: И если включаете, то это социальная категория просто разом исчезает?

Ю.Г. Коргунок: Она не разом исчезает. Она уходит на кухню.

Т.В. Павлова: Но на кухне мы ее не увидим.

Ю.Г. Коргунок: Большевикам удалось уничтожить общественность. Проблема, которая мучила царское правительство: что делать с болтунами, которые распространяют вредные идеи. У большевиков оказалось великолепное оружие – ЧК, ОГПУ. То есть, если начинать вычищать всех до одного, начать с откровенных противников, потом дойти до всякого, кто...

Г.Л. Кертман: То есть все зависит от терпимости власти? Само существование этого социального субъекта?

С.В. Патрушев: Были еще «ленинские призывы», когда активных людей поглощали структурами власти.

Ю.Г. Коргунок: И это тоже есть, кого-то поглощают, кого-то не поглощают, большая часть все равно остается за пределами.

С. Патрушев: Была принята установка, что массы (86%) – однородны. Это некий изначальный посыл, вы его принимаете, либо нет. А уже потом попытались их «разрезать», «разрезали» на две части: на массы и на множество. Если бы не получилось таким образом разрезать, это горизонтальный срез, внутренний. Общественность – это вертикальное измерение, они между элитами и массами. Это другой срез.

С.В. Патрушев: У нас элита на самом деле отсутствует в рассуждениях, она присутствует только в варианте задания правил игры. Но выясняется, что при одних и тех же правилах игры можно по-разному играть. Можно проводить Майдан, а можно проводить Антимайдан. Правила игры одни и те же. Содержательно различия существенные. А все активные.

Ю.Г. Коргунок: Правила игры не совсем одни и те же.

С.В. Патрушев: В принципе, правила игры одни и те же, а содержание разное. Можно другие примеры привести.

Ю.Г. Коргунок: Я не спорю, что понятие, которое я предлагаю, мало разработано. Просто боюсь, что в этих исследованиях, которые вы проводите, вы изучаете одно. Получается, что вы говорите об общественности, а на самом деле, вы думаете, что говорите о массах. Масса, как мне кажется, взаимодействуют и с властью, и с общественностью совершенно по-другому, нежели прямым участием. Оказывается косвенное воздействие на тех, и на других. Это среда, в которой или гаснут призывы, или наоборот разжигаются.

С.В. Патрушев: Это из разряда: какую элиту изучают элитологи. Крайне редко они изучают элиту, потому что элита, как известно, на вопросы не отвечает.

Ю.Г. Коргунок: Элиту можно по пальцам, что называется, пересчитать. Эти люди видны. Тут можно историческое исследование сделать.

С.В. Патрушев: Не знаю, в элиту входят чиновники, или не входят. Нет, в этом разрезе чиновники в элиту не входят, но в тот слой, о котором вы говорите, может быть, и входят.

Ю.Г. Коргунок: Частично, несомненно, входят.

С.В. Патрушев: Я думаю, существенно. Если мы будем смотреть чиновничество по горизонтали, снизу и доверху, там не везде элита, но...

Ю.Г. Коргунок: Да, это и может стать причиной раскола.

Л.Е. Филиппова: Есть еще причина, почему, на мой взгляд, понятие «общественность» не вписывается в ту концепцию, которую мы пытаемся разрабатывать. Можно сказать, что эта причина идеологическая. Выбор именно массы в качестве объекта исследования и понятия «масса» в качестве центрального понятия обусловлен тем, что мы намеренно дистанцируемся от элитистского подхода к объяснению политических процессов, противостоящим ему. А когда мы начинаем выделять из массы некую общественность, то мы неявно возвращаемся на позиции элитизма: предполагается, что в общественность попадают люди, чем-то из массы выделяющиеся. Хотим мы того или нет, но неизбежно из этого следует вывод, что масса – «тёмная», «агрессивная» и пр., а общественность – это «лучшие люди», и только их следует иметь в виду. А это явно противоречит той цели, которую мы декларируем – вернуть людей (обычных, «простых» людей) в политику.

По итогам предыдущего проекта мы сделали вывод о том, что в России не сформирована политическая сфера. Многие говорят о том, что у нас не сложилось гражданское общество. Если снова вспомнить результаты нашего проекта, то мы обнаружили крайне низкий уровень социетальной интеграции, то есть, получается, что у нас нет общества как такового. И «общественность» в этой картине представляется неким суррогатом общества, имитационной общностью в том же смысле, в каком Общественная палата – это имитационный институт гражданского общества. Получается, что если есть общественность, то вроде бы и неважно, что там происходит с обществом. То есть, можно «забыть» о том, что у нас нет общества, и продолжить рассуждать о том, чем занимаются наши элиты, какие решения и почему они принимают, описывать пресловутые «схватки бульдогов под ковром». Но это же не политика, а администрирование, это пространство власти, а не политическое пространство. Политика и не может состоять исключительно из взаимодействия элит и, как мне кажется, не может она состоять и из взаимодействия элиты и общественности. В условиях отсутствия работающих институтов представительства возникает эта общественность как какой-то странный (на мой взгляд, лишний) «передаточный механизм» между массой и элитой. И если мы сосредотачиваемся на отношениях между элитой и общественностью, то это уводит нас от проблемы неразвитости системы представительства.

Когда мы говорим о том, что хотим вернуть массу в политику, мы, конечно, имеем в виду то, что называется современной политикой. Такая политика может возникнуть, только если появятся граждане. И, собственно, когда мы начинаем изучать массу, мы хотим понять следующее: как, когда и при каких условиях эта масса может превратиться в граждан (и тогда мы увидим ту самую массовую политику, результатом которой станет институционализация политического порядка), а при каких условиях она останется аморфной, неуправляемой массой,

а то и превратится в толпу (а здесь будет политика масс со всеми возможными последствиями). И надо подчеркнуть, что масса интересна именно потому, что в ней есть потенциал и того, и другого.

С.В. Патрушев: Хорошо, спасибо. Далее Алиса Шишкина из Высшей школы экономики, специалист по арабскому Востоку.

Феномен Тахрира: новый формат протеста

А.Р. Шишкина: В большей степени я политолог. И когда я читала аналитический доклад, слушала презентацию, комментарии, то у меня практические соображения возникли. Поэтому у меня будет небольшой комментарий и практический вывод. Здесь упоминался вопрос, каким образом власть взаимодействует с обществом. И вот мы видим, что с определенного момента, именно с 2011 года, фактор массовой политики, которая ориентирована на свои права, а не на права другой группы или страны в целом, заявляет о себе очень активно. Самый яркий пример - это выступления в арабском мире, которые мы знаем как «Арабскую весну», потом серия выступлений «Захвати Уолл-стрит», некоторые протесты в Европе, и, конечно, Украина. Схожие события были и в России. К счастью, они не закончились кровавой массовой развязкой. Возможно, это вопрос времени.

Если изучать предпосылки, характер, ход протестных действий, результаты протестов и в арабском мире, и в Украине, и даже в США, то очевидно, что они укладываются в некий определенный и, что самое важное, новый формат, поскольку они организуются по определенным схемам, они проходят по определенным схемам, и заканчиваются (если заканчиваются критической развязкой) по установленным образцам. В чем здесь основная проблема, на мой взгляд, как человека, который немного изучал этот вопрос. Власть оказывается просто не готовой к такому повороту событий. Власть привыкла функционировать в определенном институциональном ключе. И самый важный момент здесь - это СМИ. Власть привыкла контролировать традиционные СМИ: это телевидение, газеты, радио и некоторые другие форматы. Она оказалась не готова к новому типу оппозиции, которая готовит свои выступления, которая созревает в виртуальной сфере. Несмотря на то, что в арабском мире интернет-цензура очень развита, все равно эта сфера оказалась неподконтрольной власти. Мое соображение здесь такое, что социология и политология в настоящее время должны стать своего рода посредником, буфером между властью и обществом, чтобы первая могла адекватно и релевантно реагировать на протестную активность, так чтобы это не приводило к тому, к чему это привело в арабском мире и в Украине. И такое некое соображение научное, может быть, подумать над тем, как описать, в

каких форматах сейчас функционирует оппозиция, и какие виды протестной активности мы наблюдаем, как они формируются, к чему они могут привести. Описать, структурировать, и возможно некоторые практические рекомендации выработать, чтобы избежать тех кризисов, которые мы наблюдали. Спасибо!

Т.В. Павлова: С этой точки зрения Вы увидели что-то полезное в нашем докладе? Нас это интересует.

А.Р. Шишкина: Да, безусловно. Само понятие массовой политики работает, мне сначала показалось не совсем понятным, но я поняла, что в данном случае масса – это объект, который действует активно, направлен на себя. Именно это мы видим в современном мире последний год. Мы отчет все-таки с арабской весны ведем, до этого не так явно проявлялись те вещи, о которых я говорила. Доклад был очень полезным.

Т.В. Павлова: И к какому типу Вы эти движения относите?

А.Р. Шишкина: К массовой политике.

С.В. Патрушев: То есть они позитивны? Я очень огрубляю.

А.Р. Шишкина: Позитивны для участников самих этих действий. Но, например, в арабской весне мы видим такую ситуацию, когда развитие всех этих процессов, в конечном счете, привело страну, Египет, к изначальной точке. Когда у власти военные снова.

С.В. Патрушев: Та грань, которая проведена, она условная, аналитическая. Не происходит ли перехода от массовой политики по мере ее развития к политике масс, если не возникают новые институты участия? Политика масс по объективным причинам, заканчивается тем, о чем вы говорили. То есть арабская весна не была на 100% массовой политикой, она имела некие этапы, и где-то произошел перелом, видимо, на каком-то этапе. Что является продуктом массовой политики помимо реальных изменений, решений? Продуктом массовой политики является формирование каких-то новых институтов, институтов участия людей, масс в политике. Арабская весна создала какие-то институты?

А.Р. Шишкина: Да, на мой взгляд, Тахрир - не просто название площади, но и характеристика сознания людей, как и Майдан, который на долгое время стал местом осуществления политической активности. В умах людей идея перманентной революции, она очень прочно засела с началом этих событий. Есть основания думать, что события в Украине закончатся так же, как и в Египте. В ситуации произойдет некий откат, и она вернется на прежний уровень, но при этом не произойдет удовлетворения политических и социальных амбиций участников.

С.В. Патрушев: Тахрир стал институтом, встроенным в политическую систему?

А.Р. Шишкина: Да, поскольку эти люди, которые там участвовали, стали некой массой, которая считала себя вправе контролировать принятие любых решений в стране. Именно поэтому был отстранен от власти президент Мурси, поскольку эта толпа, масса, множество стала своего рода легитимизирующим механизмом любых политических решений в стране. Не правительство, не министры это делали, именно необходимо было одобрение толпы. Сейчас Тахрир - это не место стояния людей, а площадь, по которой ездят машины.

Ю.Г. Коргунок: По-моему, тут скорее наоборот. С Сергеем Викторовичем не соглашусь. По-моему, Тахрир – это не институт, это политика масс, массовое вторжение в политику. Институт – то, что уже устоялось, действует, себя воспроизводит, функционирует на протяжении длительного времени.

С.В. Патрушев: Остром писала о том, что в начале должна возникнуть арена, на которой потом возникают правила. Вот арена возникла, а правила, мягко говоря, не сложились. Институт в этом смысле не появился.

Л.Е. Филиппова: Как я поняла Вас, на какой-то момент эти правила все-таки сложились. Тогда возникает вопрос, а что произошло, почему они потом перестали работать.

С.В. Патрушев: Вообще, можно в принципе встроить институт Тахрира, институт Майдана в современную политическую систему?

А.Р. Шишкина: Можно, но будет ли это продуктивно, в любом случае институт какого-то представительства должен быть. То есть это будет не масса...

Ю.Г. Коргунок: Что Майдан, что Тахрир – это что-то вроде советов, институт бунта, восстания, ниспровержения. Это именно организация уничтожения.

С.В. Патрушев: Но Советы не были организацией уничтожения, это неправда.

Ю.Г. Коргунок: Но разрушения были, после того как они исполнили свою функцию, большевики их как таковые уничтожили. То есть они подменили их своей диктатурой.

С.В. Патрушев: Большевики-то уничтожили, но Советы не имели к этому отношения.

Ю.Г. Коргунок: Понятно, они не имели, потому что они себя исчерпали, они перестали быть оружием, институтом, свою функцию выполнили и все.

Д.Д. Ширяева: Полагаю, что случай советов – это отдельный исследовательский вопрос. Очевидно, что почти каждая попытка проводить исторические аналогии или обращаться к политической истории за примерами реализации «массового фактора» или производства «политики масс\массовой политики» обращается к советам. Советы действительно, подобно призраку,

фигурируют в тех или иных нарративах о массовой политике, особенно в российском и постсоветском контекстах. Однако, на фоне большого количества интерпретаций, ощущается нехватка фактологического материала –отсюда возникают эссенциалистские подходы к феномену, объясняющие деформацию этого института политического участия как предзаданную природой самого феномена.

Л.Е. Филиппова: Прозвучала, на мой взгляд, важная фраза о том, что у людей появилась идея перманентной революции. Мне кажется, что как раз, когда появляется эта идея перманентной революции, так сказать, борьбы ради борьбы, вот тут-то и происходит переход от массовой политики к политике масс. Потому что... хорошо, мы видим какую-то систему, которая нам не нравится, мы хотим ее сломать, но мы должны предложить какую-то альтернативную систему и перейти от разрушения к созиданию. А если это разрушение становится самоцелью и ценностью для нас, то...

С.В. Патрушев: В принципе Тахрир и Майдан – это некий (квази)вечевой институт, вероятно, его можно встроить в современную политическую систему... Так же, как в свое время институт референдума встраивался.

С.Г. Айвазова: У нас тоже идет реакция на эти процессы. Так, в частности, в самом правительстве создали «открытое правительство», как канал связи с обществом. Общественная палата в какой-то момент тоже возникла как канал такой связи. Или как превентивная мера, как гудок, через который пар выходит.

С.В. Патрушев: Через общественную палату подчас выходит другой газ...

С.Г. Айвазова: Попытки создать какие-то институты взаимодействия власти с общественностью предпринимаются. Этого нельзя отрицать. Возьмем тот же Народный фронт. Другое дело, что эти институты скорее являются имитационными.

С.В. Патрушев: Речь идет о тех институтах, которые снизу возникают.

С.Г. Айвазова: Вы говорите о ситуации, когда снизу возникает площадка, на основе этой площадки потом формируются институты.

Т.В. Павлова: Это не на основе площадки, это вместо нее.

А.Р. Шишкина: На ее основе, мне кажется, не могут возникнуть, просто потому что новые типы протестной активности формируются в условиях слабой идеологизации, то есть объединяются люди разных социальных, этнических, совершенно разных групп, идея спонтанной мобилизации их объединяет. Но потом найти консенсус и выработать диалог оказывается очень сложным. Их объединяет действительно стремление борьбы ради борьбы. И когда происходит переход от массовой политики к политике масс, то выработка дальнейшей программы действий оказывается значительно затруднена.

С.В. Патрушев: Но Тахрир все-таки имел общий результат или не имел?

А.Р. Шишкина: Естественно, тотальное изменение политической обстановки в стране.

С.В. Патрушев: Но это результат. У меня мысль вот такая, еще раз повторю ее. Теоретически можно представить Майдан, Тахрир, как некий институт, встроенный в политическую систему, который работает в каких-то ситуациях. «А вот давайте выйдем и обсудим. Возникла такая проблема, мы не знаем, что с ней делать, власть не знает, что делать. А вы как думаете?» Если проблема жизненна, если проблема остра.

С.Г. Айвазова: Я как раз настаиваю на том, что у нас были попытки создать эти институты, но институты скорее имитационные, что требует своего объяснения и толкования.

С.В. Патрушев: Это институты мобилизации, манипуляции.

А.М. Кучинов: Если рассматривать арабские кейсы, я не вижу так много аналогий между украинским Майданом и арабскими революциями, и, например, российской Болотной площадью, в связи с тем, что там много очевидно разных первопричин. Вроде того, что допустим, на арабском востоке я вижу, что об этом говорят как о постоянной тенденции, что там слабая культура конфликта, и в тех культурно-исторических условиях эти революции были постоянными. На Украине это рассматривается с точки зрения психологического объяснения, как неспособность сдерживать «свое» хочу своим «могу». А в России это рассерженные горожане, или, допустим, люди недовольные административной системой. Аналогии, конечно, есть. Но первопричины, мне кажется, настолько разные, что это может в какой-то степени запутать.

Как арабист, как Вы считаете, действительно ли на арабские революции оказывает влияние еще тот факт, что они происходят в определенной культурно-историческом обществе? Где это еще со средневековья, средневековые трактаты о том, как сменяется власть, они работают еще до сих пор. Потому что там очень похоже, мне кажется, все. В любом случае исследовательский [вопрос] «политика масс против массовой политики» – это уже другой совершенно срез, который адаптирован больше под российскую и европейскую политику. Такой вопрос.

А.Р. Шишкина: Регионы действительно настолько разные, что, казалось бы, сравнивать их не имеет никакого смысла, но если мы все-таки посмотрим не на причины, причины мы в данном случае не рассматриваем, естественно в каждой стране, и если тем более мы абстрагируемся от теории заговора, влияния Москвы или Вашингтона и тому подобное. В каждой стране сформировался свой комплекс предпосылок, свой собственный. Но если мы смотрим, на то, как организуется протест, как он проходит, и какие последствия он имеет, то все-таки становится очевидным, что некий новый формат протестной активности сформировался, именно потому, что это

происходит в абсолютноразных регионах культурно-исторической, религиозной и других точек зрения. В частности, один из пунктов – это отсутствие ярко выраженных лидеров и деидеологизированность, о которой я уже говорила, то есть оппозиция, по большому счету, очень разношерстная. Она не может выработать единую программу, как действия на улицах, так дальнейшего переустройства страны после свержения «ненавистного» режима. Кстати сказать, режим не становится ненавистным на первоначальной стадии протеста. Люди выходят с требованиями доработки некоторых механизмов, провалов в политике правительства, то есть, это либо коррупция, либо взятки, трудоустройство. То есть, власть сама объявляет протестующим войну, когда начинает разгонять эти протесты. Они сами начинают сходить на нет, потому что у них нет общей идеологической базы, и люди постепенно расходятся по домам. И вот тут власть в трех случаях (и с Оккупай Уолл-стрит тоже самое было) пытается разогнать эту толпу, и у людей возникает единый политический лозунг «Долой ...» дальше подставить нужное. То есть какие-то механизмы все-таки есть. «Арабская весна» в каком-то смысле вдохновила все последующие протесты последних лет, которые мы наблюдали. Это открыто признавали и выступающие в некоторых европейских странах, и в России тоже. Я наблюдала в социальных сетях надписи, при организации одного из маршей: «Египтяне смогли, и мы сможем». То есть, очевидно влияние образа легко свершившейся революции. Он вдохновляет, в том числе и россиян. В арабской политической культуре есть такое понятие, как «фитна». Один из прямых переводов – это соблазн, но надо понимать, что самый мощный соблазн, самый негативный соблазн, который может быть в арабской политической культуре, это соблазн революции, соблазн нарушить тот порядок, который уже установился, и который поддерживается, в том числе и властью. И то, как описывают этот вопрос в средневековых источниках, то, как понимали смену власти... Описание механизмов, по которым происходит фитна, то есть смута, восстание, мятеж, некое негативное явление в обществе, оно хорошо применимо к арабской весне, и так же хорошо применимо, за исключением религиозных и этнических характеристик, к Украине. То есть, это все то, о чем я говорила – люди собираются в местах, потом происходит некое движение, потом некий откат, и тут уже то или иное взаимодействие происходит с властью. Если дальше изучать этот концепт, наверное, все-таки от фитны стоит отойти, но пока на данном этапе наиболее описан, наиболее разработана именно концепт фитны, который связан с арабской политической культурой, но и собственно выступления в арабском мире вдохновили в какой-то восстание в других странах.

С. Патрушев: О перманентной революции, это применительно к Украине было?

А.Р. Шишкина: Нет, это применительно и к арабской весне, и к событиям в Украине

С. Патрушев: А насколько это одинаково? Сейчас я объясню, почему. У меня сложилось отрицательное впечатление о вашей реплике, она слишком ассоциируется с зомбоящиком российским. Перманентная революция на Украине, понятно, как это выстраивается, им нечем заняться, они стали громить, хотя мне лично, например, очевидно, что действия, которые [Правый сектор, не правый сектор], когда кого-то в мусорные баки, вполне логичные и рациональные действия, вполне нормальные. В том смысле, видно, что не реализуется антикоррупционный закон и так далее, все эти люстрации и прочее. Это не политика масс, а это массовая политика. Поэтому, хотел бы уточнить в этой связи...

А.Р. Шишкина: То, что вы описали, это скорее такие проявления мелкого бандитизма, хулиганства.

С. Патрушев: Требования закона человек не выполняет, что это? Я думаю, что если бы в России такое было, то у нас бы все долги взыскивались без проблем. У нас же долг невозможно списать, потому-то человек никакой ответственности не несет.

А.Р. Шишкина: Все-таки в первом случае, с арабской весной, я говорила о праве человека чувствовать себя легитимным, отвечать за какие-то политические решения и одобрять их. То есть, Тахрир не расходился потому что... Кстати сказать, на Тахрире такого не было, мусорных баков, зеленки и всего прочего.

Ю.Г. Коргунок: И на Майдане сначала не было.

С. Патрушев: Разделение, которое вы ввели, демаркация. У вас вначале было хорошо, а потом стало плохо. Мне это показалась слишком идеализированным.

А.Р. Шишкина: Плохо, потому что для страны, в конечном счете, это было плохо с экономической точки зрения, да и с политической тоже. Потому что эта затянувшаяся революция, постоянная смена власти, отсутствие единого политического и экономического курса, так или иначе, откатывает страну.

С. Патрушев: Понятно. Но демаркируете, что результат- надо было где-то что-то подреставрировать или подкрасить?

А.Р. Шишкина: Изначально, да...

С. Патрушев: Построили институт какой-то, как вы это оцениваете?

А.Р. Шишкина: Я оцениваю выступления, которые приводили к гибели людей, к свержению в такой форме политического режима, негативно. Это мое личное оценочное суждение. И к тому же, это не привело по большому счету ни к какому новому шагу на политической арене этого государства.

С. Патрушев: А есть ли в рамках вашего исследования, вы изучили какие-то примеры стран третьего мира, например, Украину, где массовая политика была реализована в положительном ключе, то есть, построили институты и так далее?

А.Р. Шишкина: Даже если мы рассматриваем движение «Оккупай Уолл-стрит», о котором неоднократно сегодня говорилось, это скорее был более положительный пример, чем арабская весна, поскольку уровень доверия к власти в развитых странах намного выше, и с этими протестующими удалось договориться.

С. Патрушев: Не в развитых странах, я говорил третий мир...

А.Р. Шишкина: В настоящее время все-таки нет, за исключением, может быть Сирии, где так и не произошло, изнутри не произошло какого-то кризиса, слома. Кризис в Сирии был вызван внешними факторами.

С. Патрушев: То есть положительных примеров того, как массовая политика построила институты, нет?

А.Р. Шишкина: Я думаю, нет.

О.А. Мирясова: А в Тунисе?

А.Р. Шишкина: Вы имеете в виду, когда пришли к власти исламисты? Там тоже намечается, а может быть уже, я просто не слежу за последними событиями, может быть уже исламисты снова у власти. Но тенденция, по крайней мере, к этому закладывается, то есть абсолютной победы этой политической силы и установление [каких-то институтов]...

Ю.Г. Коргунок: На мой взгляд, я бы не сравнивал ситуацию на Украине, и на Ближнем Востоке, в Египте, в частности.

А.Р. Шишкина: Это один из самых частых комментариев.

Ю.Г. Коргунок: ...и в Северной Африке. Революции порождается, прежде всего, внутренними условиями. То, что возникают какие-то внешние сходства – это, как правило, это постфактум становится. А развиваются они по каким-то имманентным факторам. В чем я точно уверен, что на Майдане не копировали из Египта, им это даром не нужно, ничего в Египте не изобрели такого.

А.Р. Шишкина: Речь шла не о том, что они копировали.

Ю.Г. Коргунок: На что бы я внимание обратил, чем случай отличается. В Египте, если использовать терминологию, представленную в докладе, все началось с политики масс, там не было массовой политики, потому что все оппозиционные партии практически были запрещены. Поэтому никакого другого не оставалось исхода, кроме как для политики масс. А потом началась массовая политика, в результате которой пришли «Братья мусульмане» к власти, и выяснилось, что как раз массовая политика и ведет в тупик. И снова вторглась политика масс, потому что, в сущности, против «Братьев мусульман» выступил тот же самый Тахрир. Все закончилось сворачиванием проекта. На Украине все начиналось совершенно по-другому, там начиналось в рамках массовой политики. Евромайдан устроила оппозиция против Януковича, и все шло в рамках вполне массовой политики, пока не выяснилось, что с Януковичем нельзя разговаривать, как с нормальным

человеком. Уголовник, с которым ты договорился, ты повернулся к нему спиной, и он бьет ножом. В сущности, ведь все эти политики – Кличко, Тягнибок, Яценюк, они договорились с Януковичем, но тут как раз и возник фактор политики масс. Майдан – это политика масс, которая сказала «нет, с Януковичем никаких разговоров быть не может, или мы, или Янукович!» И, на мой взгляд, на самом деле это была вполне реалистичная установка. Разошелся бы Майдан, Янукович их всех по одному бы перебил, тут у меня никаких сомнений нет. А потом, когда Янукович был свергнут, режим фактически вернулся в русло массовой политики. Были проведены выборы. Как бы мы их не оценивали, но машина функционирует. Другое дело, что она функционирует в условиях войны, но это уже другой вопрос. Как таковой Майдан уже фактически демонтирован. Сейчас возникают эксцессы, но, так скажем, этого явления уже фактически нет. То есть, тенденции были противоположного свойства. У нас действительно получается, что опять, что Манежная, что Болотная площадь – это фактически политика масс, по той причине, что нет тех политических институтов, через которые массы могли бы участвовать в политике. Думская оппозиция – это не оппозиция, это черт знает что. Других никаких возможностей нет, остается только одно. В этом плане получается, что мы гораздо больше похожи на Египет, другое дело, что с нашей спецификой. По-другому немного мыслим, и не так легко готовы проливать кровь.

Массовая политика, протест и оппозиция

Р.Э. Бараш: Одна маленькая реплика, одновременно отвечая на вопрос о том, каким образом мы на общероссийской выборке пытаемся изучать гражданский активизм, - мы как раз не пытаемся его изучать на массовой выборке, потому что, по нашим данным, активистов около 7 %. В этом смысле, эти рассуждения про то, что у нас нет политических институтов, очень гармонично связываются с Вашей репликой о том, что нужно пытаться понять, в каких форматах сегодня существует оппозиция. Сегодня российская оппозиция существует в формате домашнего ареста и реальных сроков. В этом смысле очень сложно говорить о какой-то...

Ю.Г. Коргунюк: Внесистемная оппозиция.

Р.Э. Бараш: То, что существует в Думе, я в силу даже теоретического обоснования, что такое оппозиция, оппозицией назвать не могу. Это системные люди, которые активно участвуют в обосновании и легитимизации того, что происходит. И в этом смысле, случаи Манежной и Болотной, в нашей интерпретации, нашего с Владимиром Васильевичем Петуховым исследования, это все-таки было то, о чем говорил Кастельс, - реакция на имитацию солидарности в нашей стране. И в этом смысле, мне кажется, что и

Майдан, и Тахрир, и Оккупай Уолл-стрит – это все была попытка ответить на коммуникативную закрытость власти. И в этом смысле мы не очень можем говорить о том, что Майдан ни к чему не привел, потому что как минимум он привел к потрясающему успеху партии «Самопомощь» мэра Львова Андрея Садового, которые фактически представляли собой ячейки самоорганизации. И то же самое было в нашей стране, когда возник Координационный совет оппозиции, когда там были левые, националисты, либералы. Все, конечно, очень сильно переформатировалось после Крыма, в этом смысле я согласна с Александром Морозовым, который пишет, что у нас возникла партия Войны и партия Мира.

С.В. Патрушев: А Координационный совет посадили?

Р.Э. Бараш: Его не посадили, он просто потом перестал существовать. Он растворился в постоянных домашних арестах, в обысках.

С.В. Патрушев: То есть домашний арест был? Сажали членов Координационного совета?

Р.Э. Бараш: Их сажали не потому, что они были членами Координационного совета, а в силу несанкционированных митингов. Но, тем не менее, Координационный совет породил, к примеру, движение наблюдателей. То есть, мы не можем говорить, что оппозиция – какая-то косная структура, состоящая из Янкаускаса, Константина Борового...

Ю.Г. Коргунок: Мне кажется, движение наблюдателей никакого отношения к Координационному совету не имеет, независимо от него оно развивалось.

Р.Э. Бараш: Вспомните ситуацию с выдвижением Навального на пост мэра Москвы, как раз Координационный совет сыграл огромнейшую роль в мобилизации сторонников.

Ю.Г. Коргунок: По-моему, к тому времени Координационный совет уже бездействовал.

Р.Э. Бараш: Мы же говорим о горизонтальных сетях, которые продолжают существовать.

Ю.Г. Коргунок: Координационный совет был избран в конце октября 2012 года, и практически через месяц стало понятно, что он ни на что не способен абсолютно. Он ни о чем не может договориться.

Р.Э. Бараш: Смотря, что вы понимаете под «ни на что не способен». Из Координационного совета, например, вырос Диссер.нет.

Ю.Г. Коргунок: Как вам сказать, это скорее инициатива самого Пархоменко, вне связи с Координационным советом.

Р.Э. Бараш: Пархоменко же не один был. Я просто сейчас не очень готова спорить о Координационном совете оппозиции, я просто пытаюсь понять, что такое собственно массовая политика, которую постоянно привязывают к протестным выступлениям. Я опять же возвращаюсь к цифре 7%, которая, по нашим данным, может интерпретироваться как некое активистское ядро,

причем это ядро не только политического активизма, но и социального активизма, гражданского активизма. То есть это люди, которые, к примеру, готовы заниматься краудфандингом, заниматься сбором денег на социально значимые проекты. Они, может быть, и не ходят на митинги, и более того, ходить на митинги – это как, знаете, появился в известный мем «Поставить лайк в facebook – не значит действовать». Выйти на митинг оппозиции – не значит завтра выйти работать наблюдателем, и даже проголосовать. Это было фиаско оппозиции, что на выборах последних в Мосгордуму активность была, если я не ошибаюсь, 18%. После всего этого воодушевления, призывов приходить, голосовать, бороться системно, участвовать в политике... Это, конечно, была трагедия. Тем не менее, я пытаюсь понять, что же такое заставляет ваш проект пытаться привязать массового избирателя к протестам. Потому что наши исследования говорят о том, что большинство – оно даже не пассивное большинство. Оно находится в состоянии, о чем говорил Левада, безысходного терпения. Они не знают, в какую сторону им пойти, то ли им пойти за властью, которая в общем тоже вызывает большие сомнения даже у большинства, то ли пойти за оппозицией, но тогда возвращаемся к тому, что оппозиция находится в тюрьме, мы возвращаемся к тому, что по телевизору показывают, что Майдан расстреляли свои же, в интерпретации нашего российского телевидения. И в-третьих, мы приходим в тому, что... По-моему, Юрий Георгиевич говорил о том, что Майдан – это неконтролируемая сила разрушения. То есть, к сожалению, наше телевидение демонстрирует только негативные сюжеты. И в этом смысле, большинство дезориентировано, непонятно, куда оно пойдет. Но здесь я должна обратиться к одной из статей покойного Бориса Немцова, который говорил о том, что вся оппозиция «партии телевизора» и «партии Интернета» - она надуманная, в итоге победит «партия холодильника». Как только упадет уровень жизни, мы увидим массовую политику. В этом смысле, у меня к вам вопрос. Почему вы связываете протесты и массовую политику? Ведь все-таки это очень малая доля населения страны, которая имеет какую-то точку зрения на протесты. По нашим мартовским исследованиям 2014 года, когда уже почти состоялся Крым, но еще не было Донбасса, 50% не знали, на чью сторону они встанут – на сторону власти или на сторону оппозиции. Они просто от этой ситуации хотели отрешиться. Сейчас понятно, что, наверное, 70% скажут, что они боятся того, что Майдан в России может привести к анархии. Они, с другой стороны, понимают, что уровень жизни очень сильно упал, такую власть они тоже не очень хотят. Пока они настороженно ко всему относятся. И второй вопрос состоит в том, как, на Ваш взгляд, должна проявлять себя массовая политика в ситуации, когда государство ограничивает возможность гражданского участия. Вспомним закон об иностранных агентах, вспомним постоянные проверки НКО. Даже Сахаровский центр проверяют, хотя это образовательная структура, которая никак не связана с выборами. То есть мои два вопроса: массовая политика и протест, и формы возможного участия в

ситуации, когда государство сокращает. Собственно, проблема отсутствия институтов – это не проблема гражданского общества и не проблема масс, это проблема государства, которое не хочет. Возможно, опыт Алисы Шишкиной как арабиста и исследователя мог бы в этом смысле как-то помочь. На арабском Востоке важную роль сыграли пятничные намазы и пятничная молитва, и собственно церковь. Так же как польская Солидарность активно взаимодействовала с католической церковью, в нашей стране, наверное, церковные коммуникации немного ограничивают. Может быть, есть какие-то размышления на предмет новых форм? И тут я хочу вас попросить не говорить про интернет, потому что 70% пользуются, но только 7% используют для социальных акций. Все это «Одноклассники» и кошечки в основном.

А.Р. Шишкина: Facebook и Twitter наравне, я думаю, но не так активно, как на арабском Востоке, но используют. Ну, наверное, стоит говорить о том, что интернет вообще - это явление Москвы и Петербурга. Если использовать другие классификации, например, «Россия 1, Россия 2, Россия 3» по Зубаревич, то он только в России 1, и если в России 2 он как-то есть, то там действительно кошечки. Не удержусь от комментария насчет кошечек: в отношении арабского Востока есть такая теория, сейчас не вспомню автора, которая называется Cutecat theory¹. Она говорит о том, что люди в норме, когда они не чувствуют опасности в политической, социальной сфере, то заходят в интернет действительно, чтобы посмотреть котиков, обменяться сообщениями, фотографиями. То есть, это рутинное такое функционирование человека в виртуальном пространстве. Но как только происходят некие волнения в стране, обострение ситуации, они чувствуют недостаток информации, и тем более, когда от них начинают что-то скрывать и традиционные источники информации (телевидение, радио), то вот тут они как раз начинают посещать оппозиционные сайты, смотреть, что же в стране происходит, и, возможно, присоединяться к этим протестам. То есть происходит политизация населения. Так было, по крайней мере, на арабском Востоке. Что касается России, как показали события нескольких лет, у нас это не работает в том плане, в котором хотелось бы участникам протестов. Вообще, я убеждена, что политическая культура России такова, что снизу достаточно сложно изменить политическую систему. Это надо делать изнутри. Надо работать с системной оппозицией и пытаться изменить ее. Но как - непонятно. Во всяком случае, протесты – это удар не только по действующему режиму, но и по самим себе в первую очередь. Как я это вижу, можно попытаться разработать программу. Моя личная претензия к оппозиции, что

¹ Этан Цукерман высказал идею (2008) о связи интернет-активистов, веб-цензуры и любителей «милых котиков» (термин, используемый для любого низкого по себестоимости, но популярного контента): Web 1.0 был изобретен, чтобы позволить физикам делиться исследовательскими работами. Web 2.0 был создан, чтобы люди могли обмениваться фотографиями милых котиков (Zuckerman E. The Cute Cat Theory of Digital Activism).

не было выработано ни одной программы. Разговариваешь с оппозиционерами, пытаешься проводить опросы. «Что вы будете делать, когда Путин уйдет?» «Ну, строить социализированное государство...» Это самые общие черты.

Р.Э. Бараш: С кем вы разговаривали?

А.Р. Шишкина: С образованными людьми, с выпускниками университетов.

С.В. Патрушев: А что, политические партии имеют политические проекты?

Р.Э. Бараш: Партия прогресса, например, имеет. Программы будут, когда политически легитимизуется партийное многообразие.

Ю.Г. Коргунок: Программы политических партий везде, не только у нас – это набор пустых обещаний, демагогических лозунгов. Никаких реальных политических программ, ни за какими политическими партиями нигде не стоит. Дело не в том, чтобы какая-то партия выдвинула программу, должна быть система, в которой эта программа...

А.Р. Шишкина: Не партии и программы, а люди, которые договорятся о том, какой они хотят видеть нашу страну, и это может выразиться в программе, а может в чем-то другом. Вот этого как раз в нашей оппозиции нет.

Ю.Г. Коргунок: Есть орган, который должен этим заниматься. Это парламент, который должен согласовать, чего хотят люди в этой стране, вывести что-то общее. У всех разные программы, все хотят разного, должны достичь какого-то компромисса. Компромисс внутри нынешней системы достигнуть невозможно, потому что это компромисс на основе В.В. Путина, Путин должен вечно жить и вечно править. И всякий, кто против него выступает, должен быть зачищен. Что в такой системе может быть разработано? Ничего. Поэтому первый шаг на пути восстановления политики это уход Путина, проведение выборов, создание нормального парламента, и уже потом...

С.В. Патрушев: Откуда возьмется нормальный парламент?

Ю.Г. Коргунок: Хотя бы тот парламент, который будет избран населением, избран в этих условиях.

С.В. Патрушев: Попытаюсь ответить на вопросы коллеги Бараш. Во-первых, власть и оппозиция – это вообще отношения к массовой политике не имеет. Поэтому это другой сюжет. Во-вторых, в каких формах может реализовываться массовая политика? Массовая политика может, безусловно, реализовываться в формах сознательного электорального участия. Сознательного. С этим проблемы, но эта форма существует, и ею теоретически можно пользоваться. Можно изучать, из-за каких ограничений у нас сознательной политики не получается. Это можно изучать, было бы интересно. Протест - Тахрир, Майдан, Оккупай или Болотная, и т.п. - тоже

может быть формой массовой политики. Хотят люди избрать такую форму своего представительства интересов, чтобы коммуникацию создать. Донести до власти, что они хотят, почему бы и нет. Я не вижу здесь ничего плохого, хотя и не считаю, что это единственная форма. В-третьих, сложнее ситуация такого участия, которое ведет к изменению. Мы в свое время разрабатывали концепцию, согласно которой надо действовать, чтобы были изменения. Не только участвовать, участие само по себе недостаточно. Ты пришел на выборы, ты воспроизвел то, что есть. Мало, что меняется. Как можно осуществить электоральное действие? Теоретически можно осуществить через привод к власти партии, не той, которая на сегодняшний день крутит этот маховик. Но это уже другие сюжеты. Пафос, с моей точки зрения, очень простой – я лично был движим идеей показать, что не надо бояться участия людей в политике. И не надо бояться действия людей в политике. Может быть, они за собой принесут что-то другое. Может вам же легче станет, тем, кто говорят, «вот мы сейчас всех расставим». Тут тоже существуют попятные движения, они могут быть не для всех важные. Сегодня назвали иностранным агентом, завтра сказали, отзовем это дело. Повторюсь, власть не должна бояться участия граждан. Но, конечно, здесь возникает один тонкий вопрос, который для русской власти смертельный. Власть не должна бояться участия людей в политике – это означает, что власть должна делиться властью. Для русской власти это, конечно, смертельный номер. А сколько надо власти? Сколько граммов вешать гражданам? Столько, столько, столько... О, черт! Уже все отдал почти. Страх этот есть. Но есть и другая сторона. Как можно убедить власть – напугать? Не будет массовой политики, не будет нормального вовлечения людей в нормальные формы политического участия и действия, будет что-то другое. Хочешь митинг? Проводи! Помитинговал, высказал свои требования, мы их записали, ушли. Ведь пока власть не начинает «бить морду», народ не реагирует. Но можно напугать. Если вы не будете цивилизованные каналы выстраивать (назовите это коммуникацией, если хотите), цивилизованные каналы связи между гражданами, людьми, то возможны другие варианты. Возможно участие масс в политике по-другому, в других формах. В формах, которые могут вообще не понравиться. Где они не будут стоять и говорить: «Дайте нам власть», они поставят вопрос совсем по-другому: «А мы и спрашивать не будем». Я не хочу называть это бунтом, но возможны такие формы. Вот многие боятся полиции, и правильно боятся. Но если сейчас всех освободить и выпустить, например, националистов на поверхность, я не знаю, что дальше будет.

Р.Э. Бараш: Но у вас активность всегда только политическая?

С.В. Патрушев: Нет, это не так. Мы, как Вы знаете, целую книжку выпустили на эту тему. Называется «Гражданское и политическое в российских общественных практиках», там мы провели различие. Зачем мы будем снова обсуждать гражданскую активность, когда нас интересует, что происходит с

политической... Я уже говорил, что удивился, когда начал искать словосочетание «массовая политика», еще до нашего проекта, - его практически нет. Оказывается, у нас массовая политика исчезла. В интеллектуальном пространстве, в реальном пространстве. Это как? Почему? В чем дело? Потом я для себя ответ дал такой: потому что это страшная вещь. Потому что массы вышли на улицу, Канетти, Лебон и прочие ужасы. Лучше давай мы их уберем! Идея возникла, что не надо убирать, надо просто с этим работать. Содержательные элементы вводить, дифференциацию делать. Вот какая логика была. Признаюсь - в этом месте это ужасное признание, - лично я вообще не люблю изучать реальность. Не люблю изучать реальность, потому что не верю, что нашими инструментами ее можно вообще изучить. От того, что мне цифру покажут и скажут, вот оно общество, средний класс и т.п., я не увижу, как оно или он есть... Мне интересно изучать инструменты, заниматься понятиями. Дальше вы с ними будете работать. Или не будете... Ваш выбор. Массовая политика и политика масс – это инструмент, может быть, сегодняшнего анализа, может завтрашнего. Не знаю. Меня интересует, этот инструмент вообще может работать или не может. А что делать с этими 7%, не знаю. Я бы их придушил, наверное (смех). Чтобы не мешали общей благостной картине единения.

Механизмы вовлечения в политику

А.М. Кучинов: По поводу понятий. Получается, в докладе написано, что массовая политика и политика масс друг друга не взаимоисключают.

С.В. Патрушев: Полностью, нет.

А.М. Кучинов: Одно имеет черты второго, и наоборот. Но если политика масс – это более или менее понятно, но вот массовая политика – это все равно, дальше можно попробовать продолжать разрабатывать. Потому что это уже более редко встречающееся понятие, и каковы условия, при которых она есть. Это, наверное, будет очень сложно и путем социологических, и психологических теорий это объяснять. Получается, о политике масс писали, Лебон, Михайловский, кто угодно. А вот о массовой политике...

С.В. Патрушев: Писал Липсет, Роккан и так далее...

А.М. Кучинов: Да, но как сделать так, чтобы в массовой политике было мало политики масс, в плохом смысле слова. Допустим, есть некие закономерности. Люди, когда их много, у них получается не политика в таком красивом смысле, как конкуренция в принятии решений, а получается, когда все друг друга перекрикивают.

С.В. Патрушев: Это скорее в России так получается.

А.М. Кучинов: Да. С другой стороны, ведь именно это интересно. Особенно, как это происходит в России. Поэтому, мне кажется, будет необходимо продолжать соотносить, как это должно быть, и как это в России. Теоретически, эмпирически, это придется, наверное, достраивать. Но с другой стороны, уже многое сделано. А вот политика множества... Если я правильно понял, это всего лишь рассматривается как синоним массовой политики.

С.В. Патрушев: Тут сложнее. Это чтобы отделить одно от другого, чтобы не путать. Но не только. Тут есть и кое-что другое. Если мы почитаем Роккана, его базовая идея заключалась в следующем: только благодаря разнообразным формам вовлечения людей в политику могли возникнуть те институты политические, в том числе институты демократии, о которых мы сегодня говорим, как о чем-то данном. У меня такой тезис возник, не знаю, буду ли я его дальше развивать, наверное, буду. Постольку массового вовлечения людей в политику в России не было, потому и институты в России не возникли, те, которые можно считать институтами демократии, институтами политики. С этой точки зрения, в том числе, изучение генезиса массовой политики суть изучение генезиса самих политических институтов.

А.М. Кучинов: Получается, мы, когда исследуем эти два понятия, мы, так или иначе, соприкасаемся с традицией социологии и психологии толпы. Но мне кажется, может быть стоит, для того, чтобы подробнее рассказать про массовую политику и политику множества, поставить такой вопрос. В разных условиях, разные люди, одни ведутся на механизмы толпы, они будут толпой, они будут все громить, крушить и так далее, но другие придут в других условиях к рациональному или необязательно рациональному, но в любом случае цивилизованному решению проблемы. Мне кажется, здесь можно поднять известную нам статью Арнольди и Борка про подражание². Иногда оказывается, что люди подражают рационально, когда устанавливают такие же цены, как у других, чтобы на рынке им было комфортно. Или допустим, люди ведутся на механизмы массовизации в случае, когда у них психика примитивная, жизнь однообразная и так далее. Мне кажется, этот исследовательский ракурс нам поможет объяснить, как достичь массовой политики, учитывая реальность, которая есть, чтобы не сработали механизмы орущей толпы, которая все громит и крушит.

С.В. Патрушев: Это психологические механизмы вовлечения в политику, меня они не так сильно волнуют.

А.М. Кучинов: Социологические тоже.

С.В. Патрушев: Может быть. Но меня этот базовый вопрос очень интересует. Без массовой вовлеченности в то, чего нет, ничего создать невозможно. На мой взгляд, это ключевая проблема.

² См. Политическая наука. 2014. №4. С.267-269.

Типы политического поведения и мобилизации

О.А. Мирясова: Юрий Григорьевич сразу перешел к общностям неким, общественность и так далее. У нас идея в том, что мы пытаемся развести два типа политического поведения. То есть, человек, который относится к общественности, при определенных условиях вполне себе может участвовать в политике масс. И, мне кажется, отчасти это доказывает то, что довольно много людей в нашем опросе лета прошлого года, которые по всем признакам демонстрировали то, что они скорее практикуют массовую политику, сознательную такую, говорили, что при определенных условиях, при необходимости они готовы поддержать власть на митингах.

Но моя гипотеза, которую конечно, надо проверять, основывается на том, что эта мобилизация вокруг украинской проблематики была настолько сильна летом, из-за условной внешней угрозы от Запада, от Америки исходящей, что люди, которые вовлечены достаточно сознательно в политическое участие, они были готовы при определенных условиях присоединиться к другому. По крайней мере, были подвергнуты, оказались в определенном состоянии, скорее свойственном политике масс. Разводить эти два типа политического поведения – это большая методологическая проблема, на мой взгляд, потому что мы говорим о том, что в одном случае участие сознательное, а в другом оно вроде как подражательное, массовидное, деструктивное, партикулярное, стихийное, спонтанное.

Но эти моменты - до какой степени человек рационально в процессе долгих размышлений прибегает к какому-то действию, а в каком случае он это делает спонтанно, - это надо залезать в какие-то серьезные размышления человека, и измерить это какими-то привычными инструментами мне не представляется возможным. Когда мы с Институтом коллективного действия занимались социальными движениями и пытались брать биографические интервью с активистами, выяснялось, что это очень был долгий путь, по которому человек шел, чтобы стать устойчивым активистом. В некоторых случаях все начиналось в детстве, и с каких-то очень-очень далеких, на первый взгляд, совершенно непонятных моментов, которые мы бы никогда не узнали, если бы не было именно биографического интервью.

Про использование понятие «права человека» для разведения двух типов политического поведения, мне кажется, что как понятие «права человека», оно в сознании наших граждан достаточно позитивный смысл носит. Когда мы делали опросы в рамках прошлого проекта, его популярность была очень велика среди набора ценностей, который мы предлагали респондентам выбрать. Очень многие его называли, как ценность, которая для них важна, которая должна лежать в основе общества, которое они хотят видеть. Но

большой вопрос в том, что они имеют в виду. Плохо ли иметь право, да еще и человека? Ты пришел, тебе права раздали - на образование, на жилье, на все имеешь право. Но я боюсь, что это воспринимается в достаточно привычной парадигме, когда их дают, они берут. И никто не против, чтобы их всем раздали каким-то образом. А до какой степени в классическом смысле люди его понимают, кто эти люди, и как их отделить от остальных, оказывается довольно непросто.

Опять же, в каком случае эти люди, для которых актуализирована концепция прав человека, они руководствуются в данный, конкретный момент именно ей, а не чем-то другим. Не опасением, что они, например, потеряют работу, и их уровень жизни снизится до какого-то запредельного уровня. Или допустим самые такие, мне кажется, очевидные примеры спонтанной мобилизации. Несколько случаев было, когда педофил в городе обнаруживался, его выпускали, очень характерный пример, или выходцы из Кавказа убивали молодого человека, после этого возникала массовая мобилизация, которая требовала от полиции навести порядок, принять какие-то срочные меры. И здесь не нужна концепция прав человека ни в каком смысле, потому что люди чувствуют угрозу своей жизни, и им вообще не важно, кто каких политических взглядов и так далее. Но сказать, что их действие, оно какое-то такое, скажем, никем не сманипулированное явно в данном случае, никто не пытался туда вывести специально - националисты подключаются, но они, как правило, на втором этапе уже подключаются, когда увидят, например, в случае кавказцев, что есть готовность к мобилизации...

С.В. Патрушев: Будут они мочить педофилов, или не будут?

О.А. Мирясова: Могут. Могут мочить, могут не мочить. Что из этого выйдет, непонятно. Это не зависит от концепции прав человека.

Далее, что мне кажется важным в попытке этого разведения. И почему мне кажется сейчас, что нам стоило бы вернуться к этой идее. Достаточно долго, но может быть не всеми, но многими рассматриваются социальные движения, и вообще политическое участие, как достаточно рациональное поведение. Хотя понятно, что для тех, кто занимается выборами, очевидно, что рационального там мало. Но вот когда брали сектор каких-то социальных движений, исходили из того, что люди осознали свои проблемы, они вышли, объединились и так далее. Потом стало очевидно, что это не совсем так, что там разные составляющие. То, что связано с концепциями феномена толпы, часто считается устаревшим, прошлым веком. А в действительности, конечно, это влияет, и здесь важна принадлежность в том числе, психологические чувства нахождения в большой группе людей, которые неизбежно влияют на людей, неважно, физически находятся в большой группе или виртуально, так и просто ощущение принадлежности к большинству, при этом большинство – это необязательно все население Российской Федерации.

Мобилизующим фактором для протестов 2011 года было ощущение принадлежности к «большинству думающих людей». Было такое ощущение, что на площадь вышли большинство просто думающих. Вычленяется какая-то группа, но тем не менее она большинство. Потому что чувствовать себя маргиналом, в меньшинстве, человеку некомфортно, и наличие большинства легитимизирует то, чем человек занимается.

Изучение репертуара коллективных действий регулярно показывает, что наиболее часто встречающиеся формы – это совсем не митинги. Я не очень поняла, почему сегодняшний разговор свелся скорее к митингам. Известно, например, что подписание петиций (отчасти в интернете) это самый распространенный тип поведения, но, например, в нашем летнем исследовании было много чего еще, что чаще встречалось, чем митинги. Например, ношение политической символики. Опять же, чего раньше не было практически, начиная от ленточек, и заканчивая какими-то значками. Еще ряд форм, в том числе и наблюдение на выборах, достаточно часто люди говорили.

Еще замечание такое. Когда мы говорим о том, что должны создаваться новые институты, мы сегодня сваливались к идее, что должна какая-то новая организация быть создана. Например, Координационный совет, который будет постоянно функционировать. Но по факту протесты или какие-то массовые движения часто вводят новые ценности, или новые какие-то представления, идеи. Мне кажется, для Украины очень важная идея, которая на самом деле не родилась заново, но подтвердилась, - то, что люди имеют право, имеют возможность свергнуть власть. Потому что это было во время «оранжевой революции» 2004 года, и сейчас это подтвердилось. То, что эта идея присутствует в сознании вообще всего населения в той или иной степени, или в значительной его части - что мы имеем право восстать, что ваша власть не безгранична - это тоже та достаточно важная предпосылка для того, чтобы вообще что-то менялось. И если бы Майданы не происходили, то ее бы не существовало, как ее не существует сейчас в России. Если сравнивать эти общества, мне кажется, это принципиальная разница как раз.

А.Р. Шишкина: Мне не конца понятно, почему ощущение собственной безопасности никак не связано с концепцией прав человека. Права человека в современном юридическом понимании - это та часть права, которая касается отношений вертикали «человек – государство», и делится на разные части, но основной частью являются так называемые надпозитивные права, это пять типов прав, среди них право на жизнь, на свободу, и в том числе безопасность. И если люди чувствуют угрозу собственной безопасности, в данном случае апеллируют к государству в виде полиции, чиновника, кого угодно. Почему это не связано с концепцией прав человека?

О.А. Мирясова: Потому что когда человек выходит на улицу, в этот момент он не думает не о правах человека и не об этих концепциях, он думает о своей безопасности.

А.Р. Шишкина: Он думает о собственной безопасности и апеллирует к государству.

Ю.М. Баскакова: Если я правильно услышала Ольгу, может быть я перефразирую, речь о том, что выходит не «партия телевизора», выходит «партия холодильника».

О.А. Мирясова: Нет. Во-первых, в данном случае...

С.В. Патрушев: Когда вы идете по улице, вы не руководствуетесь правилами дорожного движения, вы идете по улице, однако не претесь на красный свет. Вот и все. Не надо все время говорить: «О, черт! Нарушил права я!» Это же очевидно.

О.А. Мирясова: Я хотела сказать, что в этот момент неважно становится людям, какая они партия, холодильника или телевизора.

А.Р. Шишкина: Это политические права, не права человека. Права человека это, в том числе, право чувствовать себя в безопасности в отношении к государству. То есть, чтобы государство защищало человека.

О.А. Мирясова: В чем я вижу попытку развести массовую политику и политику масс? Не в том, чтобы проинтерпретировать, как вы говорите сейчас, поведение человека – подпадает он под концепцию или не подпадает. А попробовать понять, чем он руководствуется. Человек хотел безопасности до появления концепции прав человека и государства. То есть, люди, в племени живя, когда не было никакого государства, если у них была угроза, они собирались и выходили против этой угрозы. Для этого не нужна концепция прав человека. И в этот момент происходит возвращение к этому типу поведения. А концепция прав человека возникает как раз тогда, когда есть рефлексия определенная по поводу наших прав, по поводу функций государства, по поводу того, почему оно их не выполняет. И вот человек через эту концепцию осмысливает ситуацию.

А.Р. Шишкина: У меня просто мысль такова, что не надо абстрагироваться от этого концепта, потому что он не мешает этой концепции и логике, а, наоборот, как раз помогает ей.

∴ Концепт прав человека универсален в принципе. В тот момент, когда человек выходит на улицы, обеспокоенный собственной безопасностью, он может руководствоваться, а может не руководствоваться этой концепцией. То есть может исходить из того, что борется за нечто, принадлежащее ему и всем прочим как неотъемлемое право, а может – не исходить и защищать свой сугубо локальный интерес. Речь о разных презумпциях, и неважно, насколько у него это отрефлектировано. Концепция прав человека предполагает, повторю, права другого, и без этого обязательного мотивационного элемента говорить о правах человека бессмысленно.

С.В. Патрушев: Говорить о правах человека, говорить о ценностях, о чем угодно применительно к поведению людей вообще бессмысленно, потому что люди не руководствуются в каждый момент своего существования этим набором.

Г.Л. Кертман: Но можно каким-то образом аналитически описать мотивацию любого политического действия. Значит, мотивацию политического действия описывать через концепцию прав человека только на том основании, что люди борются за свою безопасность, некорректно. Если в этом политическом действии не присутствует универсалистский посыл, если люди выходят во имя собственной безопасности истреблять кавказцев или кого-то еще, то это как-то связано с правами человека или нет? Или они нарушают исходные принципы концепции прав человека?

С.В. Патрушев: Они находятся вне определенной ценностной системы, в которой какое-то значение имеют права человека. Вот и все. Об этом идет речь. Когда идут мочить педофилов, вопрос о том, как еще с этим справиться, не стоит. Потому что они не понимают, что есть вообще какие-то правовые ограничения. Вот о чем идет речь.

Г.Л. Кертман: Так вот о том и разговор, что расширять использование концепта прав человека...

С.В. Патрушев: Никто не расширяет использование концепта прав человека. Концепт прав человека здесь использован был как некая рамка, которая есть у конкретных индивидов, и они ее артикулируют. Но это не означает, что они ее вспоминают каждый момент своего существования.

С. Патрушев: Можно уточняющий вопрос в связи с этим задать. Когда идут мочить педофилов, это политическое действие или нет?

О.А. Мирясова: Я бы сказала, что до определенного момента неполитическое все-таки. Но потом оно может, конечно, приобрести политическую окраску, как только появится попытка привнести в эти действия идеи политические. Понимаете, я считаю, что политика масс – это во многом такое поведение, которое... Да это политика масс, но это не значит, что это политическое действие обязательно. Хотя это может быть политика масс, уже ставшая политической.

С. Патрушев: Здесь, по сути, толпа собирается и идет.

О.А. Мирясова: В том числе. Но, тем не менее, эта толпа решает конкретные проблемы и так далее.

Ю.Г. Коргунок: Нет, в любом случае это политика, просто есть политики разного уровня. Есть политика, в которой просто убивают запросто, и разговаривать там не принято. Есть политика, в которой предполагается, что у человека есть какие-то права.

С.В. Патрушев: Ну, вы называете это политикой? Мы не называем это политикой в принципе.

Ю.Г. Коргунок: Политика средневековой Франции вообще из этого и состояла, что кто-то кого-то убивал постоянно.

Т.В. Павлова: Но мы-то говорили о современной политике.

С.В. Патрушев: Не убежден, что в так представленной средневековой Франции существовала политика.

О.А. Мирясова: Почему я обращаю внимание, почему мне кажется, что важно это разведение. Потому что мы видим две типа мобилизации сейчас. Я бы не стала их называть «сверху» и «снизу», потому что мне кажется, что это запутывает. Но один тип мобилизации как раз ориентирован на то, чтобы человек задумался о каком-то наборе каких-то ценностей и, апеллируя к ним, вышел для их реализации. Второй тип мобилизации, который мы видим со стороны нашего телевизора в последнее время, обращается как раз к этим витальным ценностям, когда люди начинают чувствовать угрозу своему существованию, например, исходящему извне, от Соединенных Штатов и так далее. И под этим лозунгом угрозы существованию они готовы выходить на улицы в якобы политический протест, или не якобы политический, потому что политический смысл у него явный. Но именно в этих случаях мы можем говорить о политике масс.

Л.Е. Филиппова: Все «витальные» потребности – по определению частные. Другое дело, когда массам предъявляются в качестве «всеобщих» сконструированные интересы/угрозы, но это уже, скорее, про технологическую сторону мобилизации. Вообще, мне не нравится идея «всеобщего» в политике, мне кажется, что она всегда ложная и манипулятивная. Политика – пространство *столкновения интересов*, значит, в ней по определению, «всеобщих» интересов быть не может (универсальные рамки, правила игры – это другое). То же с «всеобщими угрозами»: когда весь народ поднимается на войну с (реальным) захватчиком, там нет места политике, угроза какой-нибудь природной/ техногенной катастрофы тоже не в политическом пространстве устраняется. Если возвращаться к разведению двух типов политики, то для массовой политики мне продолжает нравиться формулировка «частные интересы общественного значения». С политикой масс, как обычно, сложнее, наверное, одними «сугубо частными интересами» мобилизация в рамках политики масс не объясняется. Но тут надо опять вспоминать о том, что политика масс – это, по сути, не совсем политика (в вышеуказанном понимании). И вот это возникновение ложной/ иллюзорной// виртуальной/ навязанной (можно ещё придумать варианты) «всеобщности» можно считать признаком (или одной из причин) исчезновения/ сворачивания *политики* в политике масс. В общем, здесь легко может возникнуть

терминологическая путаница, хотя этот сюжет, на мой взгляд, важен не только терминологически, но и сущностно.

Г.Л. Кертман: Описанные типы мобилизации вообще-то можно было бы определить как аффективный и ценностно-рациональный. И, мне кажется, достаточно очевидно, что в наших условиях – и в силу социокультурных характеристик российского общества, и в силу институциональных ограничений – аффективный тип мобилизации на порядок действеннее. Кстати, когда политика была более конкурентной, чем сейчас (или, скажем иначе, когда в России было больше оснований говорить о политике), этот тип мобилизации преобладал по всему политическому спектру. Мало кто на самом деле апеллировал к ценностям или к интересам масс, все больше – к эмоциям, фобиям и т.д. (я бы не называл это обращением к витальным ценностям, хотя, конечно, когда людей пугают, а они пугаются, коммуникацию в принципе можно описывать и в таких категориях). И за последнее время произошло не столько вытеснение ценностно-рационального типа мобилизации аффективным, сколько просто монополизация ресурсов: сейчас политическая мобилизация аффективного типа осуществляется практически исключительно в поддержку курса властей.

Но дальше возникает проблема «перегрева». Вроде бы мобилизация по аффективному типу осуществляется в рамках того, что мы тут называем политикой масс. А в этих рамках (вспомним схему, предъявленную Сергеем Викторовичем вначале) до определенной критической точки ни о какой субъектности масс говорить вообще невозможно – и представительство им не нужно, и голосование рутинизируется и ритуализируется, и т.д. Субъектность они могут обрести лишь в контексте спонтанного и деструктивного вовлечения в политику, так? Но вероятность такого вовлечения напрямую зависит от степени мобилизованности массы. То есть, попросту говоря, аффективная мобилизация, осуществляемая, главным образом, ради обеспечения управляемости и лояльности масс, является необходимой (хотя, возможно, и недостаточной) предпосылкой утраты такой управляемости и лояльности и далее – более или менее спонтанного антисистемного политического действия масс. Длительные и агрессивные усилия по аффективной мобилизации увеличивают вероятность такого развития событий. Собственно, об этом немало пишут в последнее время в контексте обсуждения украинской тематики. Но возможно ли понизить «градус», снизить уровень аффективной мобилизованности в ситуации, когда в политическом пространстве отсутствует диалог, в рамках которого можно было бы обнаруживать какие-то точки соприкосновения, зоны согласия между конкурентами, да и само это пространство, строго говоря, отсутствует? Совершенно неочевидно, что в ситуации, когда «партия телевизора» действует в режиме монолога, хотя бы умеренная демобилизация осуществима в принципе.

С.В. Патрушев: Хорошо. Юлия Михайловна, не хотите ничего сказать?

Ю.М. Баскакова: Наверное, что-то принципиально новое я не добавлю.

С.В. Патрушев: Можно принципиально старое что-нибудь?

Еще раз о концепте «масса»

Ю.М. Баскакова: А принципиально старое мне представляется очень важным. Может быть, я в силу своего такого ремесленного занудства стараюсь очень бережно обходиться с теми понятиями, которыми мы пользуемся. И мне представляется принципиально важным отделять те понятия, которые дают нам возможность описывать факты, от тех понятий, которые связаны с нашими интерпретациями. Вот эти моменты как-то фиксировать чисто для себя бывает очень не просто, я знаю, и одна из наших последних дискуссий, например, о народе и массе, где проходят эти различия, она лишний раз показывает, и сегодня как вот мне слышалось, эти расхождения вылезали. Кстати, прозвучало понятие, которое, мне кажется, очень продуктивным: может быть, вместо понятия «множество» использовать понятие «общность», потому что, например, в выступлении Алисы понятие «масса» звучало очень сильно в качестве такого количественного критерия. Вот есть площадь Тахрир, на ней есть масса, и в этой связи очень здорово, что мы говорим о массах в политике. Это действительно так, я согласна с тем, что в этом смысле концепт массовой политики инструментален. Но, как мне кажется, мы сделали пока только самый первый шаг. Мы просто признали, что масса есть, и с ней надо что-то делать, ее надо как-то разграничивать, но вот перейти к тому, чтобы типологизировать, выделять более серьезные инструментальные, работающие понятия, которые нам будут действительно показывать разные типы взаимоотношений между индивидами, группами общества, разные типы связей, разные механизмы, которые работают, - это как раз то, для чего мы придумывали массовую политику и политику масс, вот для этого еще нужно структурировать очень многое и идея про общественность, которую Юрий Григорьевич упомянул, кажется мне продуктивной с позиции структурирования нашего концепта «массы». Потому, что общественность, которая не элита, но которая выделяется, например, по желанию, по его проявленности, заявить свою позицию и взять на себя некоторую ответственность тем самым, она может использоваться, например, как индикатор заряженности масс или как индикатор активности массы, силы массы, энергии массы. То есть, мы можем эти массы классифицировать и структурировать, в том числе, внутри себя по критерию наличия у них ядра общественности. То есть, мы можем понимать какие-то внутримассовые процессы. Вот это то, что я сегодня для себя вынесла из дискуссии.

С.В. Патрушев: Это хороший повтор старого, касающегося структурирования масс. Массы не структурируются, что с этим поделаешь. Ну, видимо, структурируются, я не спорю. И еще. Для меня понятия, описывающие факты, все равно находятся в корпусе какого-то теоретического подхода, который, по определению, есть интерпретация...

А.М. Кучинов: В принципе, я об этом уже говорил, идея такая: мне кажется, специфика самого этого вопроса такова, что мы не можем купаться в этой проблеме, не замочив хотя бы один плавник в традициях социологии и психологии толпы, получается, что здесь так и так исследование получится параллельно социологическим и психологическим. Даже Лебон есть в докладе, а с этого все начинается. Как бы два сразу среза: институциональный, когда мы смотрим институты, и психологический, когда мы смотрим людей. Мне кажется, что дальше, наверное, так и надо продолжать, делать параллельно две линии: изучать институты и изучать людей. То есть, допустим, есть Общественная палата, она институт. Но люди, например, пришли одни, и там получилось какое-то решение, а если другие, то их критикуют за то, что там просто люди отношения выясняют за государственные деньги.

С.В. Патрушев: С моей точки зрения, традиция Лебона, Тарда, продленная Ортегой, получила свое окончательное завершение и воплощение у Канетти. Канетти заканчивает исследование массы в том понимании, в каком она была такой живой, движущейся, все решающей, в том смысле, в котором на массу смотрели, как вы правильно говорите, не с институциональной точки зрения. Эта традиция в принципе завершена. Она заканчивается тем, что Канетти говорит: «Не издавайте в Советском Союзе эту книжку, как только вы издадите в Советском Союзе (в России) эту книжку, сразу власть научится работать с массой». Издали. Власть не научилась работать с массой, потому что она и так знала, как с ней работать. Эта традиция ведет к вполне определенным результатам. К тому же, изучение людей, это не только и не столько психология, а, строго говоря, антропология – культурная, или социальная, или политическая.

К.П. Кокарев: Но можно же изменять методы, например...

С.В. Патрушев: Дело же не в методах. Что делать с эмпауэрментом этим в контексте Канетти? Что сделать с индивидом в контексте Канетти? «Закатать» его в массу. Ничего больше с ним делать нельзя.

А.М. Кучинов: Можно изучать, как он будет «закатываться», будет ли он «закатываться»...

С.В. Патрушев: Мне не очень это интересно смотреть, как вас там будут «закатывать».

А.М. Кучинов: Я не вижу, как можно было бы этого избежать, мне кажется, мы тут что-то теряем.

С.В. Патрушев: Наверняка теряем, но среди нас нет психологов, ни социальных, ни политических, которые бы на профессиональном уровне этим занимались. Этим занимаются другие люди, но они, правда, не занимаются институционализацией. Та же школа Шестопал. Им проще соединить, потому что они знают, что такое человек, я, к сожалению, нет, поэтому мне проще с институтами что-то там делать. Впрочем, институтов без людей не бывает...

Институционализация Тахрира и Майдана

Г.Л. Кертман: Прошу прощения, вернусь к вопросу Тахрира: институт это или нет? И Майдан. Как я полагаю, это институт. Как, между прочим, политические институты царубийства или дворцовых переворотов. Сама их возможность и мерцающая легитимность – при вполне себе абсолютной монархии – оказывала влияние на политический порядок.

С.В. Патрушев: У меня вопрос по Майдану как институту, Тахриру как институту, был другой несколько. Это институт революции и изменения или это институт представительства? И нельзя так вообще ставить вопрос, так его разводить. Вот как институт представительства, я эти формы вижу, я не случайно вспоминал вече... Этот институт представительства, мне кажется, можно встроить в современную политическую систему, вообще-то говоря, я не вижу здесь неустранимого противоречия... Или это институт революции, институт изменения. Тогда мы должны совсем в другой логике это все смотреть. Потому что институт революции, мягко говоря, не может быть стабильным. Институт перманентной революции для меня это...

С.Г. Айвазова: Это как раз очень интересно.

С.В. Патрушев: Но я не уверен, что он может быть стабильным.

Г.Л. Кертман: Институт выборов, принципиально существующий ради перенастройки, переопределения политической системы, но встроенный в эту систему, и Тахрир – институты, обеспечивающие представительство? Сомневаюсь. Говорить, что Тахрир – институт представительства, это как-то очень рискованно; наверное, все же нет.

С.В. Патрушев: Институт выборов не предполагает упразднение системы, в рамках которой происходят выборы. Институт перманентной революции предполагает упразднение системы, в рамках которой он возник. С этой точки зрения, для меня несколько представляется странным, как его можно встроить в любую систему вообще, в принципе. То есть институт, скажем, трансформации такой радикальной, когда упраздняется то, во что он встраивается, его встроить невозможно.

С.Г. Айвазова: Институт приобретает форму советов.

С.В. Патрушев: Это представительство.

С.Г. Айвазова: Нет, советы - это не представительство. Это такой орган, который занимается именно перманентным осуществлением, расширением свободы.

С.В. Патрушев: Исходно это представительство. Они-то собрались ради чего там?

С.Г. Айвазова: Они собрались для того, чтобы влиять на то, как это происходит.

С.В. Патрушев: Чтобы представлять их с точки зрения их интересов...

С.Г. Айвазова: Это не то, что парламент, это другой институт.

Т.В. Павлова: Мне кажется, что Советы как раз представляют для нас интерес с точки зрения изучения массовой политики тем, что они являются, с одной стороны, формой представительства, возникающей в революционные периоды общественного развития, когда в политику вовлекаются огромные массы людей, основанной на делегировании местными собраниями граждан или собраниями работников на производстве своих представителей на съезды Советов более высокого уровня. Вместе с тем, Советы являются альтернативной классической репрезентации формой (о чем писала Ханна Арендт), формой прямой демократии, поскольку их деятельность основывается на низовой самоорганизации, самоуправлении. Арендт отмечала, что Советы репрезентируют людей в их активном качестве, а парламенты – в пассивном, в качестве носителей частных интересов. Таким образом, с точки зрения массовой политики именно Советы являются формой, способной вовлечь в политику значительное число граждан. Однако, это форма, характерная для революционных периодов, тогда как в периоды эволюционного, мирного развития преобладают традиционные, парламентские формы представительства, которые, как было справедливо отмечено, могут наполняться разным содержанием, в том числе и приводить к изменениям во властной системе.

Тахрир, по моему мнению, также является формой прямой демократии, которая может при определенных условиях стать институтом представительства интересов людей, не представленных в существующей политической системе, активность которых способна привести к институциональным изменениям.

С.В. Патрушев: Речь идет о том, что Тахрир может быть институтом прямой демократии. Оккупай может быть институтом прямой демократии. Можно ли встроить институт прямой демократии в политическую систему? Можно. Но трудно. А вот институт перманентной революции встроить невозможно.

Г.Л. Кергман: Вопрос размерности.

С.В. Патрушев: Размерности чего? Размерности изменений?

Г.Л. Кертман: Если, допустим, условный Тахрир сносит конституцию, меняет политический порядок, вроде его нельзя вписать. Но если мы признаем, что для данной политической культуры, данной политической традиции конституция не есть такая же значимая вещь, как для Соединенных Штатов, а значимо воспроизводство неких глубинных, имманентных характеристик, какой-то, допустим, баланс религиозного и светского начал (я сейчас фантазирую безответственно) или, допустим, право на восстание.... Если мы берем этот масштаб, то такие сломы могут, мне кажется, рассматриваться как институты – в рамках более широкого исторического существования политики, в разных ее конституционных форматах. Кстати, а учредительное собрание (как бы оно ни называлось в историческом антураже той или иной революции) – это институт или не институт? По-моему, институт.

С.Г. Айвазова: Рассуждение Григория Львовича подтверждается самим происхождением идеи «перманентной революции», которую изобрел не Троцкий, а Прудон, на основе французского опыта XVIII-XIX веков, когда эти революции происходили перманентно. 1789, 1830, 1848... Вот на основании этого всего он говорит о перманентной революции.

С.В. Патрушев: Именно поэтому Салмин писал, что только в начале 1970-х годов был преодолен раскол, возникший в эпоху Французской революции. То есть, парадоксальным образом, только 200 лет спустя политическая система Франции стала стабильной после революции.

С.Г. Айвазова: Протест в его различных формах функционирует как своеобразный институт в этой политической культуре.

Ю.Г. Коргунок: Но если институт каждый раз с нуля фактически возникает, это институт?

С.Г. Айвазова: Но есть традиция его воспроизводства.

Ю.Г. Коргунок: Традиция драки уличной тоже с нуля возникает.

С.Г. Айвазова: Все, что было заложено французской революцией, потом примеряли вообще абсолютно ко всем схожим явлениям. Русские революционеры 1917 года размышляли о том, что они осуществляли, в понятиях французской революции. Это факт.

О.А. Мирясова: В Киеве, кстати, они каждый год на Майдан, то есть отчасти это была уже устойчивая практика. Только другое дело, что каждый год развивался по-разному, как правило, все заканчивалось довольно быстро. А в этот раз все пошло по-другому.

Ю.Г. Коргунок: То есть в одном случае это могло быть признано Майданом, а в другом нет?

О.А. Мирясова: Нет, для них это был Майдан. Мне кажется важно, что существовала идея Майдана. И в 2002 году были Майданы, которые были разогнаны, но тогда не начались такие события. Но, тем не менее, мне кажется, для украинского общества Майдан – это идея, которая уже оказывает очень важное влияние на само его существование. Особенно сравните с российским, где устойчиво никто не верит, что на что-то можно повлиять. В их собственной практике, в их историческом опыте ближайшем есть вот эти вот перемены, которые были удачными. Ну, по крайней мере в сознании многих.

Ю.Г. Коргунок: Это все-таки феномен общественного сознания, не политический институт.

Д.Д. Ширяева: Коллеги, мне кажется очевидной нехватка кейсов в обсуждении. Весь дискурс о множестве, политике масс и массовом факторе выстраивается, так или иначе упирается преимущественно в следующие события: Тахир, Несогласные (Россия, 2011-2012), Майдан (Украина 2013-2014). Считаю важным включить другие кейсы – например, движение Возмущенных (Испания) (хронологически оно предшествовало Арабской весне и напрямую повлияло на движение Оккупай). Также было бы любопытно провести сравнительный анализ политического кризиса в Таиланде в 2014 году и Тахира – это совершенно разные страны и регионы, однако сценарии развития демократического протеста и его крушения довольно схожи при поверхностном рассмотрении. Совершенно несправедливо игнорируется история недавних боснийских протестов, в этом случае речь также идет о противостоянии демократического протестного движения, мобилизации множества и последующей реакции. Кроме того в этом контексте также фигурирует попытка формирования института политического участия. Этот кейс особенно важен и мог бы быть полезен, так как движение имело подчеркнуто антинационалистический посыл, и тем самым, несмотря на массовость, вступало в прямую конфронтацию с доминирующим в стране правым дискурсом.

Что касается центральных для дискуссии и дальнейшей работы концепций и категорий, я полагаю что в этой связи также остается некоторая неясность – ни один из заявленных рабочей группой концептов не является самоочевидным в контексте обсуждения для участников дискуссии. У меня так же нет четкого мнения на этот счет – являются ли концепты «политики масс\массовой политики», особенно в этой диалектической связке продуктивными для анализа гражданских движений и политических процессов. Понятие «масса» удобно использовать как единицу измерения гомогенных объектов или структур, но когда мы начинаем отбирать зерна от плевел, обнаруживаем или вводим различия, масса неизбежно трансформируется, распадается – то есть понятие перестает работать. Концепция множества в этом смысле кажется более подходящей для анализа, так как имплицитно подразумевает внутреннюю гетерогенность, различие как

структурообразующий фактор (хотя понятие структуры здесь конечно не уместно).

С. Патрушев: Почему все же Порошенко? Почему такая поддержка у него была, и его все-таки избрали? Это стечение обстоятельств? Как это можно связать? Или все равно, такая вера в то, что его тоже можно убрать в демократическом смысле. Или просто ситуативно? Или повелись на вождя?

О.А. Мирясова: Я не специалист по украинской политике, но мне кажется, что просто всегда наступает ощущение того, чтобы был такой этап каких-то радикальных событий, а вот сейчас по большому счету, нам нужно, чтобы у нас восстанавливалась обычное течение жизни. К тому моменту, когда были выборы, уже было это ощущение, что Майдан это хорошо, но он был ценен и важен только какой-то маленькой части участников.

С. Патрушев: Это было в некотором смысле рациональное чувство?

О.А. Мирясова: Очень трудно рациональное от нерационального отделить. Потому есть психологический страх войны и революции, он рациональный или не рациональный? Человек хочет, чтобы у него было стабильно все: работа, стабильная экономика. Он считает, что Майдан – это когда продолжается турбулентность, а нужна, наконец, стабильность и восстановление экономики. То есть, с одной стороны это рациональное поведение.

С. Патрушев: Его победа на тот момент, она была ситуативна? Насколько быстро это может поменяться у них?

О.А. Мирясова: У людей?

С. Патрушев: Да. К примеру, что он будет минимальную поддержку иметь.

С.В. Патрушев: Ответ очень простой. Если Майдан – это институт, то поменяется.

О.А. Мирясова: Смотрите, во-первых, мне кажется, история, похожая на Египет, потому что все равно во все эти протесты, в том числе Майдан, были вовлечены проценты населения. Особенно если брать вообще Украину, а не только Киев, и то же самое в Египте. И когда уже дело дошло до выборов, то на них пришли голосовать те, кто ни в чем не участвовал, кто не был охвачен вот этими эмоциями причастности к значимым революционным событиям, историческим событиям, что тоже играет большую роль. И они проголосовали за какую-то стабильность, за какой-то консервативный вариант. В том числе, потому что они смотрели на все это извне, и, возможно, видели в этом определенную угрозу. И поэтому тут, казалось бы, массовая политика, потому что выборы и так далее. Но на выходе получается консервативный вариант.

С. Патрушев: Получается, что не удалась у них революция в этом смысле?..

С.В. Патрушев: Это уже другой вопрос, что у них там удалось.

О.А. Мирясова: Консенсуса там как не было, так и нет. И там, и там.

Г.Л. Кертман: Ответ, по-моему, довольно простой, хотя пользы от него немного. Порошенко, он на момент выборов олицетворял – в реальном контексте и на общем фоне –респектабельность и умеренность. И это соответствовало запросу на тот момент. Значит, ответ на вопрос, может ли это измениться, зависит от двух вещей - будет ли он по-прежнему олицетворять этот запрос, и не изменится ли сам запрос. Если не изменится, а Порошенко будет восприниматься как человек, ему соответствующий, то тогда он – всерьез и надолго. Но насколько велика вероятность такой комбинации – не знаю.

С. Патрушев: Какой был запрос на тот момент?

Г.Л. Кертман: Запрос на умеренность.

О.А. Мирясова: Главное, что голосовали не те, кто был на Майдане. На Майдане были проценты. Даже те, кто разово туда приходил и получил вот этот заряд, это все равно маленький процент. Поэтому остальное население... это уже другая история.

Вместо послесловия

В недавно переведенной на русский язык обширной коллективной работе «Демократизация», (М.: ИД ВШЭ, 2015. – 708 с.) сделан фундаментальный вывод, который некоторым образом подводит итоги состоявшегося обсуждения:

«Демократизация, движимая давлением со стороны масс, происходит чаще и протекает успешнее, нежели демократизация, являющаяся результатом уступок со стороны элит»; «демократизация, происходящая под воздействием масс, - единственный путь к демократии, при котором последняя становится укорененной в обществе. И только укорененная в обществе демократия является по-настоящему устойчивой» (С.168, 175).

Экспертное обсуждение результатов исследования «Институциональные проблемы массовой политики: методологические и теоретические аспекты»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социологии Российской академии наук Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5 Тел.: (495) 719-09-40 E-mail: isras@isras.ru www.isras.ru Материал обнародован 28.06.2015, г. Москва